НАУЧНЫЙ ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№18(327)
часть 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

НАУЧНЫЙ ФОРУМ
nauchforum.ru

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 18 (327)
Май 2025 г.

Часть 2

Издается с февраля 2017 года

Москва
2025

УДК 08
ББК 94
С88

Председатель редколлегии:
Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:
Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;
Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;
Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;
Гайфуллина Марина Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления ФГБОУ ВО "Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Уфа";
Елисеев Дмитрий Викторович – канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО «Лаборатория институционального проектного инжиниринга»;
Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Россия, г. Екатеринбург;
Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио;
Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), Россия, г. Златоуст;
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;
Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;
Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 18(327). Часть 2. М., Изд. «МЦНО», 2025. – 80 с. – Электрон. версия. печ. публ. – https://nauchforum.ru/journal/stud/18.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISSN 2542-2162

ББК 94
© «МЦНО», 2025 г.

Оглавление

Статьи на русском языке **6**

Рубрика «Экономика» **6**

СПОСОБЫ И СХЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ НАЛОГОВ, МЕРЫ ПО УСТРАНЕНИЮ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ 6
Павликова Арина Михайловна
Ефремова Елена Ильинична

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ: КИКШЕРИНГ КАК КЕЙС ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 11
Попов Дмитрий Валентинович

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО МАРКЕТИНГА В CRM-ПЛАТФОРМАХ 14
Ткаченко Артём Александрович

ВНЕДРЕНИЕ AGILE В РИТЕЙЛЕ: СТРАТЕГИЯ И ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ 17
Туйгунова Яна Димовна

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ К ГИБКИМ ПОДХОДАМ AGILE 20
Туйгунова Яна Димовна

МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ АУДИТА КАК ИНСТРУМЕНТА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 24
Хохлач Полина Алексеевна

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В БУЗОО «КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА ИМЕНИ Н.Н. СОЛОДОВНИКОВА» 26
Хруницкий Максим Юрьевич

Рубрика «Юриспруденция» **28**

ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 28
Ванян Артур Самвелович

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ 31
Заболотникова Ксения Дмитриевна

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ 33
Лебедь Наталья Ивановна

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ 36
Нгуен Чонг Луан

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИГОВОРА СУДА 38
Рыбкин Максим Анатольевич

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ 40
Склярова Дарья Романовна
Щербалев Андрей Андреевич

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ 43
Сунозова Анастасия Ярославовна
Anastasia Sunozova

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА СЧЕТА ЭСКРОУ И ДОГОВОРА ЗАЛОГА 48
Хатагов Георгий Тотразович
Есиева Фатима Казбековна

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ 51
Шоров Инал Хасанович

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ 54
Шурганова Милена Романовна
Щербалёв Андрей Андреевич

Рубрика «Химия» 57

СОСТОЯНИЕ КАТАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 57
Шабуров Вильдан Ильясович
Зиннурова Ольга Васильевна 51

Papers in English 59

Rubric «Pedagogy» 59

LEARNER ATTITUDES TOWARD USING TIKTOK FOR VOCABULARY ACQUISITION: A REVIEW OF EMPIRICAL STUDIES 59
Karimova Aziza

Rubric «Technical sciences» 63

ENHANCING OIL PUMPING STATION EFFICIENCY THROUGH MODERNIZATION OF NM 3600/230 UNITS 63
Adil Zhunosov
Dyussova Rizagul Muslimovna

Rubric «Philology» 66

METHODS OF LESSON DIFFERENTIATION IN SECONDARY SCHOOL 66
Danenova Malika
Yelena Ivanova
Aigul Kinzhibaeva

UTILIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING 68
Yekaterina Kornilova
Ivanova Yelena

USING AUTHOR'S SONGS AND MUSIC FOR DEVELOPING LANGUAGE SKILLS IN THE ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM 70
Tomiris Mendauletova
Yelena Ivanova

MOBILE APPLICATIONS FOR TEACHING AND LEARNING ENGLISH VOCABULARY AT SECONDARY SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF QUIZLET AND DUOLINGO) 72
Almira Zhanasheva
Yelena Ivanova
Assel Bermukhambetova

Қазақ тілінде мақалалар 74

Бөлім «Медицина және фармакология» 74

НЕЙРОИНФЕКЦИЯЛАРДЫ ДИАГНОСТИКАЛАУДА МИ-ЖҰЛЫН СҰЙЫҚТЫҒЫН МИКРОБИОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУДЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ӘДІСТЕРІ 74
Бисембаева Нұрханым Сақытжанқызы
Әліпбекова Балым Дулатқызы
Бердіқожа Айкүн Ермекқызы
Ботбаева Мадина Тұрлыбековна

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РУБРИКА

«ЭКОНОМИКА»

СПОСОБЫ И СХЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ НАЛОГОВ, МЕРЫ ПО УСТРАНЕНИЮ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Павликова Арина Михайловна
студент,
Российский экономический
Университет имени Г.В. Плеханова
РФ, г. Москва

Ефремова Елена Ильинична
научный руководитель:
канд. экон. наук, доцент,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
РФ, г. Москва

METHODS AND SCHEMES OF TAX MEASURES TO ELIMINATE THIS PROBLEM

Arina Pavlikova
Student,
Plekhanov Russian University
of Economics,
Russia, Moscow

Elena Efremova
Scientific supervisor,
Candidate of Economics Sciences,
Associate Professor
Plekhanov Russian University
of Economics
Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье исследуются способы и схемы уклонения от налогов, включая занижение налогооблагаемой базы, использование фирм-однодневок, дробление бизнеса и неправомерное применение налоговых льгот. Так же в работе анализируются статистические данные, демонстрирующие рост налоговых нарушений, и рассматриваются меры противодействия, такие как автоматизированные системы контроля и законодательные инициативы. Предлагаются рекомендации по совершенствованию налоговой системы, включая упрощение правил и усиление ответственности за нарушения. Так же в работе рассмотрены как традиционные методы уклонения, так и современные схемы, использующие цифровые технологии и офшорные юрисдикции.

Abstract. This paper examines ways and schemes of tax evasion, including underestimation of the tax base, the use of one-day firms, business fragmentation and the misuse of tax benefits. The paper also analyzes statistical data demonstrating an increase in tax violations, and considers counteraction measures such as automated control systems and legislative initiatives. Recommendations are proposed to improve the tax system, including simplification of rules and increased liability for violations. The paper also examines both traditional methods of evasion and modern schemes using digital technologies and offshore jurisdictions.

Ключевые слова: Уклонение от налогов, фирмы-однодневки, дробление бизнеса, налоговые льготы, автоматизированные системы контроля, налоговая реформа

Keywords: tax evasion, shell companies, business fragmentation, tax benefits, automated control systems, tax reform

На территории Российской Федерации налоги являются неотъемлемым звеном в его функционировании. С помощью налоговых поступлений осуществляется регулирование производства, оборона страны, социальная, экологическая функции, военная промышленность, сельское хозяйство. Однако проблема уклонения от налогов остается одной из самых острых, подрывая финансовую стабильность страны. Именно поэтому государство пытается всеми силами противодействовать налоговым преступлениям. Особое внимание уделяется роли современных технологий в налоговом администрировании и перспективам реформирования налоговой системы.

Уклонение от уплаты налогов не только юридическая проблема, но и экономическое и социальное явление, имеющее глобальный масштаб. Недополученные налоги лишают государство возможности в полной мере реализовывать свои функции, включая социальную защиту населения и финансирование важнейших отраслей экономики. На сегодняшний день уклонения от уплаты налогов совершаются все чаще.

Именно поэтому в данной работе мы проведем анализ способов и схем уклонения от налогов, а также рассмотрим меры противодействия, применяемые государством.

Уклонение от уплаты налогов – это намеренное, противоправное действие (или бездействие) со стороны налогоплательщика, направленное на уменьшение или полное избежание налоговых обязательств, установленных налоговым законодательством. Главной целью уклонения от уплаты налогов является получение необоснованной выгоды за счет невыполнения налоговых обязательств. Для полного понимания сложившейся ситуации посмотрим статистические данные. Средние доначисления на одну результативную выездную проверку организаций по Москве в 2023 году составили 112 млн руб., в то время как в 2022 году они составляли 97 млн руб. Таким образом мы наблюдаем рост доначислений на 13,4 % за год. Однако в целом по России средние доначисления в период с 2022 по 2023 гг. снизились на 10,7 %. [1] Я уделяю большее внимание первому значению, так как большинство российских организаций зарегистрированы на территории Москвы и там же ведут свою деятельность.

Доначисление – это процесс, при котором налоговые органы в результате проверки устанавливают, что налогоплательщик не уплатил определенное количество налогов, ему дополнительно начисляется сумма налогов и штрафы, которые он обязан уплатить в бюджет в определенный срок.

Согласно изученному заключению счетной палаты на проект бюджета в 2024-2026 годах казна может недополучить 335 млрд рублей из-за снижения налоговых поступлений от крупных организаций. Общая сумма недостачи будет составлять 119,3 млрд рублей за 2024 год, 129 млрд за 2025 и 151,7 млрд в 2026 году. [2] Данные факты требуют пристального внимания и оперативного принятия мер со стороны государства для минимизации негативных последствий и обеспечения финансовой устойчивости.

Рассмотрим актуальные способы уклонения от налогов организациями. Одной из самых распространенных схем является занижение налогооблагаемой базы. Данная схема включает в себя: использование фиктивных контрагентов (компании создают искусственные цепочки

поставок через подставные фирмы, чтобы завысить расходы), сокрытие доходов через офшоры (перевод прибыли в юрисдикции с низкими налогами, такие как Кипр и Белиз), манипуляции с активами (искусственное занижение стоимости имущества для уменьшения налога на имущество). Несмотря на то, что при совершении данного налогового правонарушения налогоплательщику устанавливаются санкции в размере 4**0 %** от неуплаченной суммы налога [3], организации продолжают активно пользоваться этим способом уклонения.

По данным ФНС, в 2023 году сумма доначислений по Москве составила 112 млн. рублей на одну проверку, что свидетельствует о масштабах проблемы. Для сравнения, в ЕС подобные схемы приводят к потерям бюджета в размере 50-70 млрд. евро ежегодно.

Еще одним из популярных способов уклонения от налогов являются фирмы однодневки. Фирма однодневка – это юридическое лицо (компания), которое создается с единственной целью – совершение незаконных финансовых операций, включая уклонение от уплаты налогов и последующая ликвидация. Она не ведет реальной хозяйственной деятельности, не имеет офиса, персонала, активов и существует очень недолго. Учредителями таких фирм обычно являются подставные лица, которые не имеют реального отношения к деятельности компании. Это могут быть малообеспеченные граждане, студенты, безработные или лица, не осознающие последствий своих действий.

Государство активно борется с проблемой уклонения от налогов и легализацией отмывания денежных средств. Это одна из причин, по которой была запущена антиотмывочная платформа “Знай своего клиента”. Однако ее создание привело к резкому росту регистрации новых юридических лиц, ежедневно в России открывается около 1 тысячи компаний. Директор департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России Илья Ясинский утверждает, что примерно половина новых фирм приходится на технические компании, так называемые однодневки. [4]

Рассмотрим такой способ уклонения от налогов как дробление бизнеса. Это схема, при которой единый хозяйствующий субъект искусственно разделяется на несколько формально независимых юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, с целью получения налоговых льгот или избежания уплаты налогов. Суть дробления заключается в том, что вместо одного крупного бизнеса, который обязан платить налоги по общим правилам, создается несколько более мелких бизнесов, каждый из которых может воспользоваться льготным налоговым режимом, таким как УСН (упрощенная налоговая система налогообложения). Для применения УСН необходимо выполнения ряда условий: сотрудников должно быть менее 130 человек, доход менее 450 млн. руб. [5] Государство борется со всеми видами уклонения от налогов и с целью минимизирования фактов дробления бизнеса организациями в соответствии с поручением Президента Российской Федерации и принятым Федеральным законом от 12.07.2024 №176-ФЗ проводится налоговая амнистия для бизнеса. Она предусмотрена для компаний и предпринимателей, которые использовали схемы дробления бизнеса для оптимизации налогов. Если налогоплательщики в 2025-2026 годах добровольно откажутся от применения таких схем, то суммы доначисленных налогов, пеней и штрафов по результатам налоговых проверок за 2022-2024 года будут списаны. Так же с 2024 года налоговые органы применяют алгоритмы искусственного интеллекта для анализа связей между компаниями, что позволило выявить на 30 % больше нарушений. Использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс выявления схем уклонения от налогов, анализировать большие объемы данных и выявлять скрытые связи между организациями.

Алгоритмы искусственного интеллекта способны анализировать финансовые транзакции, выявлять подозрительные операции и прогнозировать налоговые риски. Это позволяет налоговым органам более эффективно выявлять и пресекать схемы уклонения от налогов, а также повышать эффективность налогового администрирования. Внедрение искусственного интеллекта в налоговое администрирование является перспективным направлением развития налоговой системы. Однако необходимо учитывать и потенциальные риски, связанные с использованием ИИ, такие как ошибки в алгоритмах и возможность злоупотреблений. Важно обеспечить прозрачность и контроль за использованием ИИ в налоговых органах.

Следующим способом уклонения от налогов я выделила неправомерное применение налоговых льгот. Налоговые льготы – это установленные законодательством преимущества, которые позволяют отдельным категориям налогоплательщиков уменьшить свои налоговые обязательства. Они могут выражаться в виде сниженных налоговых ставок, освобождения от уплаты налогов, вычета из налоговой базы или иных преференций. Налоговые льготы вводятся с целью стимулирования определенных видов деятельности, поддержки социально уязвимых групп населения или развития отдельных территорий. Соответственно неправомерное применение налоговых льгот – это использование этих льгот в нарушение установленных правил и критериев, когда налогоплательщик, не имея на то законных оснований, пытается снизить свои налоговые обязательства, предоставляя недостоверную информацию о своей деятельности, доходах, расходах, имуществе, с целью получения права на льготу. С целью раннего выявления неправомерных действий, связанных с уклонением от уплаты налогов, были созданы такие автоматизированные программы как АСК НДС3 и ИАС КБ, которыми пользуются работники налоговой службы. Суть этих программ заключается в том, что туда вложены алгоритмы, которые анализируют большой поток информации, в том числе всю документацию, сдаваемую налогоплательщиками. Программы вычисляют риски на основе данных и сообщает инспекторам информацию о необходимости мероприятий налогового контроля. Однако с появлением данных автоматизированных систем количество выездных налоговых проверок значительно снизилось. В период 2022-2023 гг. снижение составило 47 %, а в период 2023-2024 данный показатель снизился еще на 2**8 %**. Я считаю, что количество выездных налоговых проверок необходимо увеличить, так как они осуществляются непосредственно на территории, где осуществляет свою деятельность проверяемый, что позволяет налоговым органам напрямую ознакомиться с документацией и особенностями деятельности налогоплательщика.

Для минимизации фактов уклонения от налогов организациями в будущем, государству необходимо применить комплексный подход, включающий в себя законодательные, административные, технологические и образовательные меры. Первым и самым важным является снижение сложности налоговых правил, устранение двусмысленностей и противоречий в законодательстве.

Чем проще и понятнее налоговая система, тем меньше возможностей для ее неправомерного использования. Далее важно повысить эффективность камеральных и выездных проверок.

Необходимо понимать, что главной причиной уклонения являются слишком большие налоги. Я считаю, что количество налогов, которыми облагаются организации необходимо снизить. Однако необходимо усилить ответственность за налоговые правонарушения.

Уклонение от налогов – сложная проблема, требующая комплексного подхода. Совершенствование законодательства, внедрение технологий и снижение налоговой нагрузки помогут сократить масштабы этого явления. Важно сочетать жесткие меры против нарушителей с созданием благоприятных условий для добросовестных налогоплательщиков.

Список литературы:

1. О чем говорит налоговая статистика 2023-2024 и как защититься от рисков // РБК URL: https://companies.rbc.ru/news/XCWOWzlIJZ/o-chem-govorit-nalogovaya-statistika-2023-2024-i-kak-zaschititsya-ot-riskov/?ysclid=m5423e2umd874366314 (дата обращения: 10.04.2025)
2. Бюджет до 2026 года рискует недополучить 335 млрд руб // РБК URL:https://www.rbc.ru/finances/17/10/2023/652e16689a794762b4351ac8?ysclid=m55e9eoj789900266 (дата обращения 10.04.2025)
3. Ответственность за неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора) (ст. 122 НК РФ) // Федеральная налоговая служба официальный сайт URL: https://www.nalog.gov.ru/rn16/news/tax_doc_news/5579806/?ysclid=m55euf0ge6863369230 (дата обращения 11.04.2025)

4. ЦБ выявил рост фирм-однодневок после запуска антиотмывочного “светофора” // РБК URL: https://www.rbc.ru/finances/07/06/2023/647f14569a79475d606ed79c?ysclid=m55fqoufp595089027 (дата обращения 11..2024)
5. Упрощенная система налогообложения // Федеральная налоговая служба официальный сайт URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/TAXES/usn/ ?ysclid=m55imy6d6j609438687
6. “Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)” от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 30.11.2024)
7. Аудит: теория и практика: учебник для бакалавров / Н.В. Казакова, Н.В., Г.Б. Полисюк, А.Б. Плисова, Е. Ефремова, А.Н. Петрова. – Москва : Издательство ЮРАЙТ, 2015. – 842 с. – Серия «Бакалавр».

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ: КИКШЕРИНГ КАК КЕЙС ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Попов Дмитрий Валентинович
студент,
Уральский государственный экономический университет,
РФ, г. Екатеринбург

Аннотация. В статье исследуется развитие рынка кикшеринга в Российской Федерации как примера цифровой трансформации городской мобильности. Анализируется технологическая база ведущих операторов (Whoosh, «Яндекс Go», «МТС Юрент»), включая применение искусственного интеллекта для прогнозирования спроса, динамического ценообразования и управления парком. Особое внимание уделено интеграции сервисов в цифровые экосистемы, обработке больших данных и их влиянию на городскую инфраструктуру. Рассматриваются социально-экономические эффекты кикшеринга, включая снижение нагрузки на общественный транспорт и проблемы цифрового неравенства. Статья также охватывает регуляторные вызовы, связанные с безопасностью и защитой персональных данных, и предлагает прогноз развития отрасли до 2027 года.

Ключевые слова: кикшеринг, цифровая трансформация, искусственный интеллект, цифровая экосистема, динамическое ценообразование, IoT, умный город, регулирование, безопасность данных.

Введение

Российский рынок кикшеринга представляет собой уникальный пример цифровой трансформации транспортной отрасли. С 2020 по 2024 год объем рынка вырос в 12,5 раз – с 2,5 млрд до 31,2 млрд рублей, а количество поездок достигло 281,6 млн в год. Этот рост стал возможен благодаря комплексному внедрению цифровых технологий, от алгоритмов машинного обучения до IoT-трекинга, которые радикально изменили подходы к управлению парком и взаимодействию с пользователями. Однако стремительная цифровизация сопровождается вызовами: от кибербезопасности до регуляторных дилемм. В данной статье мы детально исследуем, как технологии формируют экономику кикшеринга, трансформируют городскую среду и создают новые социальные трения.

Технологический фундамент кикшеринга

Крупнейшие операторы (Whoosh, «Яндекс Go», «МТС Юрент») превратили кикшеринг в элемент цифровых суперприложений. Например:

Whoosh применяет искусственный интеллект для управления парком электросамокатов, анализируя свыше 50 параметров данных. Алгоритмы предсказывают спрос, учитывая погоду (рост на 4 % с каждым градусом тепла), события в городе и исторические паттерны поездок, что позволяет перераспределять самокаты с точностью до 89 %. Например, в Москве это сократило простой транспорта до 11 %. Динамическое ценообразование корректирует тарифы в зависимости от локации (в центре дороже на 15 %) и времени суток, а система «Антитандем» с компьютерным зрением выявляет нарушения ПДД (поездки вдвоем), автоматически снижая скорость самоката и накладывая штрафы. В 2025 году Whoosh внедрил датчики, передающие данные о состоянии дорог муниципальным службам.

«Яндекс Go» представляет собой интеграционную платформу, объединяющую транспортные и бытовые сервисы – от такси и каршеринга до доставки еды и продуктов. Это приложение создано для минимизации переключений между сервисами: пользователь может

заказать такси, арендовать самокат или вызвать курьера в одном интерфейсе, где все данные и платежные методы уже синхронизированы. Ключевая особенность – персонализация на основе AI, которая адаптирует интерфейс под привычки пользователя: часто используемые функции (например, утренний вызов такси) выводятся на первый план. Для работы с экосистемой «Яндекс Go» интегрирован с YandexGPT 5, что позволяет обрабатывать сложные запросы, например, подбор комбинированного маршрута с пересадкой на каршеринг.

Критически важным стал алгоритмический менеджмент парка – динамическое ценообразование учитывает не только спрос, но и социальные факторы. Например, в спальных районах тарифы на 15 % ниже, чем в центре, что увеличило проникновение сервиса в низкодоходные группы [1].

Операторы используют данные для:

- Оптимизации инфраструктуры. Анализ 500 млн GPS-точек за 2024 год выявил 47 «мертвых зон» в Москве, где были развернуты станции подзарядки [2].
- Монетизации через рекламу. Whoosh внедрил таргетированные промо-кампании в приложении, увеличив доход с одного пользователя на 1**8 %** [3].
- Однако в феврале 2025 года обязательная верификация через Mos ID вызвала протесты из-за рисков создания «цифрового досье» на граждан [4].

Социально-экономические эффекты

Снижение нагрузки на общественный транспорт. В Москве каждая 5-я поездка на самокате заменяет поездку на метро, что эквивалентно 12 тыс. автомобилей ежедневно [5].
Конфликты с пешеходами. После снижения скорости до 20 км/ч в апреле 2025 года число ДТП на тротуарах сократилось на 37 %, но пользовательская активность упала на 9 % [4].
Из 170 городов с кикшерингом 75 % инвестиций приходятся на Москву и Петербург. В малых городах (например, Тула) плотность парка в 5 раз ниже, а средняя поездка дороже на 28 %.

Регуляторные и технологические вызовы

IoT-контроль скорости. С апреля 2025 года все самокаты оснащены датчиками, автоматически снижающими скорость в пешеходных зонах.

Блокировка нарушителей. В 2025 году «МТС Юрент» заблокировал 45 тыс. аккаунтов за вандализм, используя распознавание лиц.

Будущие тренды

Автономные самокаты. Тесты в Сколково показали, что беспилотные модели сокращают затраты на логистику на 40 %.
Блокчейн-аренда. Пилот Whoosh в 2024 году позволил снизить комиссию за транзакции с 12 % до 4 % [3].

Заключение

Российский кикшеринг демонстрирует парадокс цифровой трансформации: технологии обеспечили взрывной рост, но одновременно обострили социальные и регуляторные проблемы. К 2027 году рынок достигнет 53,6 млрд рублей, однако его дальнейшее развитие потребует:

- Гармонизации законодательства (единые стандарты для СИМ).
- Инвестиций в регионы для преодоления «цифрового разрыва».
- Этики данных – прозрачности в использовании персональной информации.

Список литературы:

1. Объем рынка кикшеринга России в 2025 году может вырасти почти в три раза: [Электронный ресурс].URL:https://tass.ru/ekonomika/17071731
2. Исследование рынка кикшеринга России по итогам последнего года: [Электронный ресурс].URL:https://adindex.ru/publication/analitics/search/2025/04/29/333190.phtml

3. Рынок кикшеринга в России к 2025 году вырастет втрое: [Электронный ресурс].URL:https://sber.pro/publication/rynok-kiksheringa-v-rossii-k-2025-godu-vyrastet-vtroe/
4. В России ограничили скорость всех прокатных электросамокатов: [Электронный ресурс].URL: http://ria.ru/20250417/skorost-2011795289.html
5. Сервисы кикшеринга снизили максимальную скорость самокатов до 20км/ч: [Электронный ресурс].URL:https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/04/17/1104976-servisi-kiksheringa-snizili

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО МАРКЕТИНГА В CRM-ПЛАТФОРМАХ

Ткаченко Артём Александрович
магистрант,
ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

THE CONCEPT OF PERSONALIZED MARKETING IN CRM PLATFORMS

Artem Tkachenko
Master's student,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University,
Russia, Krasnodar

Аннотация. В статье рассматривается концепция персонализированного маркетинга как ключевого инструмента повышения эффективности взаимодействия с клиентами на базе CRM-платформ. Выделены принципы персонализации, раскрыт механизм интеграции в CRM-систему и приведён кейс реальной российской компании, демонстрирующий практические результаты внедрения

Abstract. The article discusses the concept of personalized marketing as a key tool for improving the effectiveness of customer interaction based on CRM platforms. The principles of personalization are highlighted, the mechanism of integration into the CRM system is disclosed, and a case study of a real Russian company is presented, demonstrating the practical results of implementation.

Ключевые слова: менеджмент, управление проектами, персонализированный маркетинг, CRM, клиентский опыт, автоматизация.

Keywords: management, project management, personalized marketing, CRM, customer experience, automation.

В условиях усиливающейся конкуренции на рынке предприятиям необходимо выстраивать индивидуальное взаимодействие с потребителями. Такой формат работы предполагает использование информации о клиентах для формирования индивидуальных предложений и общения, что невозможно без внедрения цифровых решений, прежде всего – CRM-систем.

Персонализированный маркетинг – метод ведения маркетинговой деятельности, при котором компания настраивает свои предложения, коммуникации и продукты в соответствии с индивидуальными особенностями каждого отдельного потребителя. Основная задача – выстроить долгосрочные отношения за счёт повышения релевантности контактов, что способствует росту удовлетворённости, лояльности и продаж [1].

Методологической основой персонализации служит концепция маркетинга взаимоотношений, противопоставляемая транзакционному подходу. Она акцентирует внимание не на разовых продажах, а на прочности и длительности связи с клиентом [2].

Современные практики персонализации строятся на ряде ключевых положений:

- **Индивидуализированный контент –** предложения формируются с учетом интересов, покупательского опыта и поведения в цифровых каналах;
- **Оптимизация каналов связи –** подбираются наиболее результативные средства коммуникации;
- **Контекстная релевантность –** персонализация осуществляется с учетом условий, в которых происходит контакт (время, локация, устройство);

- **Двусторонняя вовлеченность –** взаимодействие благодаря интерфейсам и решениям, создающим эффект персонального общения.

По мнению Р. Пепперса, главная сила персонализации заключается в умении компании вести массовую коммуникацию так, будто она обращается к каждому индивидуально [3].

Технологическая реализация персонализированного маркетинга невозможна без CRM-платформ, которые служат ядром для сбора, хранения и анализа клиентских данных. Они обеспечивают:

- централизованное хранение данных о клиентах;
- интеграция данных из различных каналов;
- аналитические модели для прогнозирования поведения клиентов;
- автоматизация маркетинговых сценариев с учетом сегментации и поведенческих триггеров.

Для более глубокого понимания механизма персонализированного маркетинга рассмотрим следующую схему, иллюстрирующая ключевые этапы движения информации – от сбора данных о клиентах до генерации индивидуальных предложений (рис. 1).

Рисунок 1. Цикл персонализированного маркетинга на основе CRM

Цифровая инфраструктура компании интегрирует различные источники информации, обрабатывает их, и в конечном итоге трансформирует в целевые маркетинговые действия.

Пример компании Sunlight иллюстрирует практическое применение таких решений. В условиях высокой конкуренции на рынке ювелирной продукции бренд реализовал стратегию, опирающуюся на сбор, сегментацию и анализ поведения клиентов для запуска индивидуализированных кампаний. Целью было стимулирование повторных покупок и построение устойчивых клиентских отношений, уменьшающих зависимость от ценовых акций.

Технологической основой выступила CDP-платформа Mindbox, интегрированная с CRM и цифровыми каналами (сайт, мобильное приложение), что обеспечило централизованное хранилище данных и возможность масштабирования омниканальных персонализированных рассылок [4].

Реализация автоматизированных сценариев взаимодействия дала измеримые положительные результаты:

- ежедневный прирост базы подписчиков составлял в среднем около 7 тысяч пользователей, что свидетельствует о стабильном расширении охвата;
- 14,9 % совокупной выручки получено персонализированными email- и push-кампаниям, подтверждая их вклад в прямую генерацию продаж;
- конверсия у получателей персонализированных сообщений превысила контрольную группу на 1,09 п.п.;
- внедрение сегментации и очистки клиентской базы позволило повысить точность таргетинга и снизить расходы на хранение неактуальных данных за счёт исключения пассивных сегментов и оптимизации каналов.

Практический кейс компании Sunlight иллюстрирует, как персонализированный маркетинг, выстроенный на базе интеграции CDP и CRM-платформы, может способствовать увеличению выручки и конверсии, оптимизации внутренних процессов за счет управления чистотой базы и повышения качества целевой сегментации. Такие эффекты подтверждают не только маркетинговую, но и экономическую целесообразность персонализированного подхода, являющимся необходимым условием конкурентоспособности в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

1. Власова В.М. Цифровой маркетинг: теория и практика. – М.: Юрайт, 2021.
2. Макарова, И.Н. Цифровой маркетинг: персонализация и аналитика / И.Н. Макарова. – Казань : КФУ, 2022. – 214 с.
3. Пепперс Д., Роджерс М. Управление отношениями с клиентами: Как превратить базу Ваших клиентов в деньги / пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2006. 336 с.
4. Персонализированные рассылки Sunlight: 14,9 % выручки и 7 тысяч подписчиков в сутки [Электронный ресурс] // Mindbox. – URL: https://mindbox.ru/journal/cases/sunlight-mailings/ (дата обращения: 17.04.2025).

ВНЕДРЕНИЕ AGILE В РИТЕЙЛЕ: СТРАТЕГИЯ И ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ

Туйгунова Яна Димовна
магистрант,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

IMPLEMENTING AGILE IN RETAIL: STRATEGY AND PATH OF TRANSFORMATION

Yana Tuigunova
Master's student,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса внедрения Agile-методологий в сфере ритейла. В статье рассматриваются стратегические подходы к трансформации бизнес-процессов, а также ключевые этапы и вызовы, сопровождающие переход к гибким методам управления. Особое внимание уделено влиянию Agile на повышение адаптивности и клиенто-ориентированности розничных компаний.

Abstract. The article is devoted to the study of the process of implementing Agile methodologies in the retail sector. The article discusses strategic approaches to the transformation of business processes, as well as key stages and challenges accompanying the transition to flexible management methods. Particular attention is paid to the impact of Agile on increasing the adaptability and customer orientation of retail companies.

Ключевые слова: ритейл, управление проектами, трансформация бизнес-процессов, стратегии внедрения, гибкая методология Agile.

Keywords: retail, project management, transformation of business processes, implementation strategies, flexible Agile methodology.

Сектор розничной торговли оказался на перепутье: оставаться традиционным или переходить на цифровые технологии. Этот переход зрел в течение десятилетия, а пандемия COVID-19 лишь ускорила его. Изменения в поведении потребителей ослабили прежние конкурентные преимущества и сделали технологическое развитие необходимостью.

В современных условиях ритейлерам важно не просто идти в ногу с конкурентами, а опережать их. Ключевым фактором стала скорость вывода продукта на рынок (Time-to-market) – от идеи до появления в продаже. Эта скорость влияет на способность удовлетворять спрос и сохранять конкурентоспособность.

Гибкие технологии радикально меняют розничную торговлю. Методологии вроде Scrum и Канбан позволяют командам адаптироваться, ускорять разработку продуктов и быстрее приносить клиентам ценность. Scrum делит работу на короткие спринты, концентрируясь на приоритетных задачах, а Канбан визуализирует процесс и выявляет узкие места, что повышает эффективность. Яркий пример – Amazon, пионер в применении гибких технологий для успеха в ритейле. Компания использует Agile-методы для постоянных инноваций и улучшения клиентского сервиса. Таблица показывает, как изменились бизнес-процессы Amazon после внедрения Agile:

Таблица 1.

Сравнительный анализ бизнес-процессов Amazon до и после внедрения Agile (Составлено автором)

Критерий	До Agile (традиционный подход)	После Agile (гибкая модель)
Модель разработки	Классический Waterfall: последовательные этапы, высокая стоимость изменений	Scrum, Kanban, итерации, непрерывная поставка ценности
Командная структура	Большие, функционально разделённые отделы	«Two-Pizza Teams», небольшие, кросс-функциональные, автономные команды
Принятие решений	Централизованное, через иерархию менеджеров	Децентрализованное: команды самостоятельно выбирают инструменты и технологии
Внедрение изменений	Несколько месяцев от идеи до реализации, сложная бюрократия	Быстрые MVP, A/B тесты, DevOps-подход
Коммуникация	Формальные отчёты, собрания, длинные e-mail-цепочки	Ежедневные стендапы, Slack/Chime, «документы на 6 страниц» (Six-Pager) для фокусированной оценки
Скорость Time-to-Market	6-12 месяцев	2-4 недели

Таким образом, Agile-трансформация позволила Amazon значительно ускорить запуск продуктов (до 10 раз быстрее), масштабировать AWS как набор независимых стартапов и развить культуру экспериментов – примеры включают Amazon Prime, Alexa и Go Store.

Согласно анализу McKinsey, успех обеспечили фокус на четких приоритетах, ориентация на клиента, работа небольших целевых команд и стремление к быстрому принятию решений и смене мышления.

Стратегия – меньше фокус на категории – больше на клиента и «долю кошелька». Рост всё труднее обеспечивать традиционными методами, поэтому ритейлерам важно глубже анализировать клиентские данные и формировать более целостные, клиентоориентированные подходы.

Структура – меньше изолированных функций – больше сквозных команд. Традиционные функциональные отделы могут замедлять процессы. Гибкие компании создают кросс-функциональные команды, отвечающие за результат на всём пути клиента.

Процесс – меньше приоритетов – больше гибкости. Agile-ритейлеры используют ежеквартальные обзоры бизнеса (QBR), чтобы адаптировать фокус и перераспределять ресурсы под изменяющиеся потребности.

Люди – меньше традиционных кадров – больше молодых и разнообразных талантов. Ритейл теряет интерес миллениалов, но компании, внедрившие гибкость, повышают вовлечённость и способность привлекать новое поколение специалистов.

Технологии – меньше ИТ как сервиса – больше цифровых решений в ядре бизнеса. Клиенты ожидают бесшовного опыта, и ритейлерам нужно быстро адаптировать каналы и инструменты взаимодействия для его обеспечения [3].

Хотелось бы привести успешный кейс перехода на гибкую методологию в области российского продуктового ритейла, а именно компания «ВкусВилл». ВкусВилл начали внедрять гибкие инновации в 2016 г. Ритейлер провёл хакатон, инкубатор и акселератор для генерации идей и тестирования гипотез, привлекая как внутреннюю, так и внешнюю экспертизу. Проекты с небольшим бюджетом финансируются без согласования с руководством. Однако, если за 3 месяца гипотеза не приносит ценности, её сворачивают, чтобы не расходовать ресурсы

зря [1]. В таблице ниже изложен сравнительный анализ управления компании ВкусВилл до Agile и после:

Таблица 2.

Сравнительный анализ бизнес-процессов ВкусВилл до и после внедрения Agile (Составлена автором)

Показатель	До Agile	После Agile
Управление инновациями	Идеи часто «застревали» на этапе согласования	Внедрена система внутреннего предпринимательства с «проводниками» и Советом роста
Структура управления	Жёсткая иерархия, централизованное принятие решений	Децентрализованное управление, автономные команды
Подход к экспериментам	Осторожность, страх неудач	Культура экспериментов, быстрый запуск и проверка гипотез
Инструменты управления проектами	Отсутствие единых инструментов	Внедрение Scrum, Kanban, использование Basecamp, Trello
Результаты инноваций	Медленное внедрение, ограниченное масштабирование	Запуск новых направлений бизнеса, увеличение прибыли

Проблемы, с которыми столкнулась компания при переходе на гибкое управление:

- задержки в реализации инноваций, идеи сотрудников не доходили до реализации из-за нехватки времени у руководителей и страха перед неудачами,
- сложности в коммуникации, отсутствие прямой связи между командами и руководством замедляло процессы,
- неэффективное распределение задач, отсутствие чёткой системы управления снижало эффективность.

В результате «ВкусВилл» ускорил реализацию гибких проектов, достиг прибыли в 2 млрд рублей в год, запустил направления «Вкусвилл B2B» и «Вкусвилл.Праздник», а также развил корпоративную культуру через создание коуч-академии и обучение более 170 Agile-коучей. Таким образом, будущее гибких технологий в рознице открывает большие возможности для роста и инноваций. По мере развития технологий ритейлеры смогут внедрять ИИ, машинное обучение и Интернет вещей в гибкие практики. ИИ и машинное обучение помогут принимать решения на основе данных и масштабировать взаимодействие с клиентами. Технологии IoT повысят эффективность цепочек поставок и обеспечат управление запасами в реальном времени. Эти тенденции позволят ритейлерам продолжать внедрять инновации и создавать ценность для клиентов.

Список литературы:

1. Кейсы AgileDays 2022: корпоративная культура, инновации «ВкусВилл» и экономия на разработчиках // https://www.jetinfo.ru/kejsy-agiledays-2022-korporativnaya-kultura-innovaczii-vkusvill-i-ekonomiya-na-razrabotchikah/?utm_source=chatgpt.com – Дата обращения 17.04.2025
2. Гибкое решение для спасения в розничной торговле // https://www.bcg.com/publications/2018/agile-rescue-in-retail – Дата обращения 18.04.2025
3. Интервью о внедрении Scaled Agile Framework в крупном российском ретейлере // https://ionovpartners.ru/about/cases/large-retailer/?utm_source=chatgpt.com – Дата обращения 17.04.2025

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ К ГИБКИМ ПОДХОДАМ AGILE

Туйгунова Яна Димовна
магистрант,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

MODERNIZATION OF PROJECT MANAGEMENT TOOLS: FROM TRADITIONAL METHODS TO AGILE APPROACHES

Yana Tuigunova
Master's student,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса модернизации инструментов управления проектами в контексте перехода от традиционных методов к гибким подходам Agile. В статье рассматриваются ключевые различия между традиционными и Agile-методологиями, их влияние на эффективность управления проектами и адаптацию команд к изменяющимся условиям.

Abstract. The article analyzes the process of modernization of project management tools in the context of the transition from traditional methods to Agile approaches. The article examines the key differences between traditional and Agile methodologies, their impact on the effectiveness of project management and the adaptation of teams to changing conditions.

Ключевые слова: менеджмент, управление проектами, инструменты управления проектами, традиционный метод управления проектами, гибкая методология Agile.

Keywords: management, project management, project management tools, traditional project management method, flexible Agile methodology.

Управление проектами – это управление всеми ресурсами, задачами и целями, необходимыми для завершения проекта. Оно помогает командам оставаться организованными и сосредоточенными на своих целях, а также позволяет более эффективно использовать ресурсы и помогает обеспечить соблюдение сроков реализации проекта [1]. Существует два основных подхода к управлению проектами: традиционный и гибкий. За последние десятилетия гибкие методологии стали оспаривать традиционный подход, что важно для руководителей, стремящихся оптимизировать стратегии выполнения проектов.

Традиционное управление проектами, часто называемое методом водопада (Waterfall), возникло в таких отраслях, как строительство и производство. Этот подход появился в середине 20 века как структурированный способ управления крупными проектами с четко определенными результатами, например, при строительстве моста. В таких проектах были заранее определены цели, строгие требования (сейсмическая безопасность, устойчивость к ветру) и четкие чертежи. Ключевые характеристики традиционного подхода включают линейные, последовательные этапы, тщательное планирование, жесткие процессы управления изменениями и иерархические структуры команд. Традиционные методологии долгое время были основой выполнения проектов, так как они обеспечивали стабильность и контроль, особенно в крупных и сложных проектах. Понимание этих принципов необходимо для оценки различий между традиционным и гибким подходами в управлении проектами [2]. Каскадная модель является наиболее известным представлением традиционного управления проектами. Она иллюстрирует последовательный поток фаз проекта, где каждый этап должен быть завершен,

прежде чем переходить к следующему. Типичными фазами каскадной модели являются: сбор требований, дизайн, внедрение, тестирование, развертывание, техническое обслуживание.

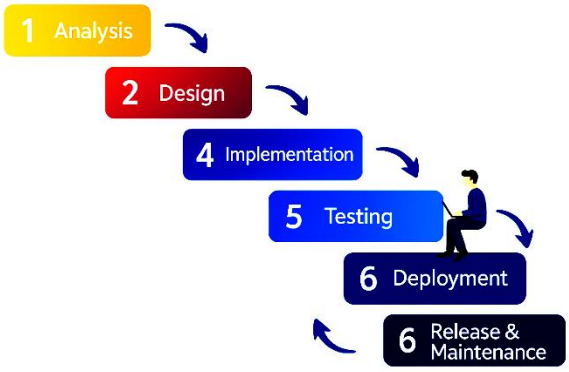

Рисунок 1. Каскадная модель управления проектами (Составлен автором)

Эта модель обеспечивает четкую, легкую для понимания структуру выполнения проекта, что делает ее особенно подходящей для проектов с четко определенными требованиями и минимальными ожидаемыми изменениями [2].

Традиционное управление проектами опирается на четкую иерархию и распределение ролей. Основные должности включают: спонсор проекта, руководитель проекта, руководители групп, члены команды. Такая структура обеспечивает четкие линии связи и подотчетности на протяжении всего проекта.

В конце 20 века индустрия разработки программного обеспечения (ПО) столкнулась с ограничениями традиционного управления проектами. Меняющийся технологический ландшафт и растущие потребности клиентов требовали более гибкого подхода. Это привело к рождению гибких методологий, кульминацией которых стала публикация манифеста Agile в 2001 г. [4].

Гибкое управление проектами внедряет ключевые принципы: итеративную разработку, постоянную обратную связь с клиентами, адаптивное планирование и самоорганизующиеся команды. Изначально ориентированный на разработку ПО, этот подход быстро стал популярным в различных отраслях благодаря своей гибкости в условиях неопределенности. Сегодня в управлении проектами сосуществуют как традиционные, так и гибкие методологии, и организации понимают, что выбор между ними не всегда однозначен.

Гибкий манифест, опубликованный в 2001 г., заложил основу для гибкого управления проектами. В нем подчеркиваются четыре ключевые ценности:

1. Люди и взаимодействие в процессах и инструментах
2. Работа с программным обеспечением над всеобъемлющей документацией
3. Сотрудничество с заказчиком при согласовании контракта
4. Реагирование на изменения, а не следование плану

Эти ценности подчеркивают фундаментальную разницу между традиционным и гибким подходами к управлению проектами. В то время как традиционные методы отдают приоритет структуре и документации, Agile фокусируется на гибкости, совместной работе и быстром получении ценности.

Гибкое управление проектами способствует развитию самоорганизующихся команд с межфункциональными возможностями. Основные роли в таких командах включают: владелец продукта, Scrum Master, команда разработчиков. Для реализации гибких принципов на практике используются фреймворки, такие как Scrum и Канбан. Scrum делит работу на короткие спринты (2-4 недели) с ежедневными совещаниями и регулярными обзорами. Канбан – визуальная система, фокусирующаяся на ограничении незавершенного производства и оптимизации потока работ.

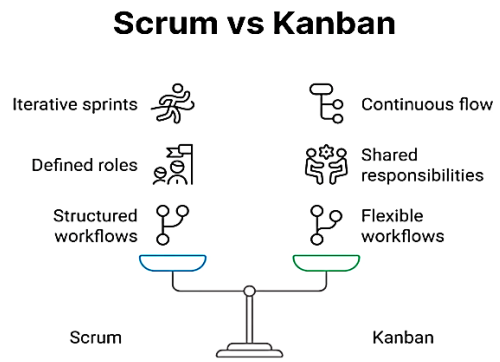

Рисунок 2. Сравнительная характеристика гибких методов Scrum и Канбан [3]

В отличие от иерархической структуры традиционного управления проектами, гибкие команды обычно однородны, работают совместно и делают акцент на общей ответственности и быстром принятии решений. Гибкие методологии обладают рядом преимуществ: гибкость, ориентация на клиента, скорость вывода продукта на рынок, повышенный моральный дух команды.

Примером успешного перехода от традиционного управления к Agile является Сбербанк. В начале 2010-х годов, столкнувшись с растущими требованиями цифровой трансформации и конкуренцией со стороны финтех-стартапов, банк начал реорганизацию. Под руководством Германа Грефа были созданы кросс-функциональные команды, внедрены Scrum и Kanban, появились роли Product Owner и Scrum Master, а также активная культура обратной связи и улучшений. Agile внедрили не только в IT, но и в юридических, HR и маркетинговых отделах. Это позволило Сберу быстрее запускать продукты, адаптироваться к изменениям на рынке и создавать цифровые сервисы, укрепив лидерство в области финансовых решений в России. Выбор между гибкими и традиционными методами зависит от факторов, таких как сложность проекта, динамика команды и организационная культура. При сравнении этих подходов важно учитывать ключевые различия в выполнении проектов. В таблице ниже приведены основные различия между традиционными и гибкими методологиями.

Таблица 1.

Различия традиционного подхода и гибкой методологии Agile (Составлено автором).

Традиционная методология	Методология Agile
Используется модель водопада (Waterfall)	Итеративная и инкрементная разработка
Акцент на планировании и дизайне	Упор на гибкость и адаптивность
Акцент на конечные результаты и завершение работы	Акцент на конечные результаты и завершение работы
Проекты завершаются поэтапно	Проекты завершаются быстрыми спринтами
Строгий процесс управления изменениями	Поощряет изменения и усовершенствования
Роли и обязанности в команде фиксированы	Роли и обязанности в команде фиксированы
Ограниченное вовлечение клиентов	Высокая вовлеченность клиентов
Управление рисками носит упреждающий характер	Управление рисками носит реактивный характер
Подходит для проектов с четко определенными требованиями	Подходит для проектов с изменяющимися требованиями

Таким образом, сравнивая гибкое и традиционное управление проектами, важно понимать, что универсального решения нет. Успех проекта зависит от выбора методологии, соответствующей его характеристикам и контексту. Нужно учитывать размер и сложность

проекта, временные и бюджетные ограничения, участие заинтересованных сторон, опыт команды, организационную культуру и нормативные требования [2].

Список литературы:

1. Using Agile with Traditional Project Management Methodologies // https://talent500.com/blog/using-agile-with-traditional-project-management-methodologies/ – Дата обращения 12.03.2025.
2. Переход к управлению на принципах Agile: проблемы и перспективы трансформации компаний // https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-upravleniyu-na-printsipah-agile-problemy-i-perspektivy-transformatsii-kompaniy – Дата обращения 18.03.2025 .
3. Agile-трансформация: что это и зачем нужно компаниям // https://neogenda.com/blog/agile-transformacziya – Дата обращения 18.03.2025.
4. Манифест Agile // https://agilemanifesto.org/ – Дата обращения 12.03.

МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ АУДИТА КАК ИНСТРУМЕНТА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хохлач Полина Алексеевна
студент,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Новосибирск

Экономические преступления представляют серьезную угрозу для экономики и общества в целом. Кампании, стремящиеся к устойчивому развитию т поддержанию деловой репутации, нуждаются в эффективных инструментах предотвращения этих негативных явлений. Аудит является неотъемлемой частью системы внутреннего контроля, играет важную роль в выявление и предотвращение финансовых преступлений и коррупции. В данной статье рассмотрим теоретические аспекты методов аудита, которые наиболее эффективны в предотвращении экономических преступлений.

История. «Аудит – независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности» [3]. Традиционный аудит появился в 1844 году в Англии «когда Великобритания приняла ряд законов о компаниях, предписывающих акционерным компаниям не реже одного раза в год привлекать независимых бухгалтеров для проверки бухгалтерских книг и счетов компании с последующим отчётом перед акционерами» [1]. Аудит трансформировался в институт управления рисками, который направлен на предотвращение экономических преступлений. Это требует от аудиторов не только знания стандартов аудита и бухгалтерского учета, но понимание бизнес-процессов, умение анализировать данные и выявлять аномалии.

Современный аудит ориентирован на пресечение финансовых преступлений и включает следующие элементы:

- оценку рисков;
- тестирование системы внутреннего контроля (СВК);
- аналитические процедуры;
- проверка соответствия и интервью.

Таким образом, интеграция данные элементы обеспечивают надежную защиту от экономических преступлений.

Ключевые методы аудита. Стоит отметить, следующие методы аудита, которые эффективны в предотвращении экономических преступлений:

- анализ данных позволяет обрабатывать аудиторам большие массивы данных и выявлять аномалии, которые при традиционных аудиторских процедурах обнаружить невозможно, благодаря такому анализу можно выявлять подозрительные транзакции, необычные сделки и надбавки и прочее;
- оценка системы внутреннего контроля – это ключевой фактор предотвращения экономических преступлений, которая должна включать анализ контрольной среды, оценку рисков, тестирование контрольной процедуры и другие;
- проверка контрагентов позволяет выявить компании с сомнительной репутацией, проверка включает анализ структуры собственности, наличие лицензий и разрешений, анализ финансовой отчетности;
- форензик – специальный вид аудита, который направлен на выявление и расследование финансовых преступлений, включающий использование различных методов, такие как анализ данных, интервью, сбор доказательств и работа с правоохранительными органами.

Профессиональный скептицизм. Экс – председатель Международного совета по стандартам аудита и гарантии качества Арнольд Шилдер считает, что профессиональный скептицизм – фундаментально значимая часть навыков аудитора, связанная с концепциями независимости

и профессионального суждения. Независимо от используемых методов профессиональный скептицизм аудитора, который сомневаться в предоставленной информации и критически оценивать доказательства.

Этика аудитора играет роль, поскольку аудитор должен соблюдать принципы:

- «честность;
- объективность;
- профессиональная компетентность и должная тщательность;
- конфиденциальность;
- профессиональное поведение» [2].

Взгляд в будущее. Стремительное развитие технологий и глобализации мировой экономики создают новые вызовы и возможности для аудиторов. Таким образом, стоит обыденные методы адаптировать под новые реалии:

- внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения, которые автоматизируют рутинные задачи, повысят точность анализа данных и выявят сложные схемы мошенничества;
- непрерывный аудит предполагает постоянный мониторинг финансовых операций и выявление нарушений в режиме реального времени. Такой подход позволит своевременно реагировать на возникающие риски и предотвращать финансовые преступления

Таким образом, аудит является важным инструментом в профилактике экономических преступлений. Эффективность аудита зависит от методов, профессионализма аудиторов и этической культуры компании. Совершенствование аудиторских практик и усиление сотрудничества между заинтересованными сторонами позволит повысить роль аудита в борьбе. Будущее аудита – за технологиями, глобальным сотрудничеством и непрерывным мониторингом.

Список литературы:

1. Гамулинская, Н.В. Возникновение и развитие аудита за рубежом / Н.В. Гамулинская, М.О. Токарева // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 1. – С. 116-119. – EDN FUOBQR.
2. Кодекс профессиональной этики аудиторов (действует с 1 января 2022 г.) : Документ // одобрен Советом по аудиторской деятельности. – 21 мая 2019 г.. – протокол № 47.
3. Об аудиторской деятельности : Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. N 307-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 1. – Ст. 15.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В БУЗОО «КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА ИМЕНИ Н.Н. СОЛОДОВНИКОВА»

Хруницкий Максим Юрьевич
магистрант,
АНОО ВО Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий, РФ, г. Омск

Система здравоохранения во многих странах, включая Россию, сталкивается с растущими вызовами, такими как увеличение нагрузок, старение населения и распространение хронических заболеваний. Это требует от муниципальных учреждений здравоохранения не только обеспечения доступности, но и повышения качества предоставляемых услуг [1, с. 34].

Удовлетворенность пациентов медицинской помощью – основное условие социальной приемлемости здравоохранения. При оценке качества медицинской помощи первостепенным параметром является уровень удовлетворенности пациентов медицинским обслуживанием.

Анализ качества муниципальных услуг в БУЗОО «Клинической психиатрической больницы имени Н.Н. Солодникова» и в целом по РФ позволил выявить ряд проблем:

- рост рождаемости и продолжительности жизни населения;
- рост количества неофициально трудоустроенных работников. Тем самым это приводит к уменьшению отчислений в фонды за каждого работающего;
- значительно снижается доступность медицинской помощи для большинства населения и качество предоставляемых услуг в бюджетных учреждениях;
- недофинансирование государственной системы здравоохранения.

В настоящее время имеется множество подходов к определению интегрального показателя, который используется для оценки качества медицинских услуг, предоставляемых пациентам. Эти методы позволяют провести тщательный анализ работы как всего учреждения в целом, так и его отдельных подразделений или конкретных специалистов. Каждый из подходов имеет свои математические формулы для вычисления интегрального показателя исследуемой системы. Процесс разработки данного интегрального показателя включает несколько этапов: первым шагом является нормирование, которое предполагает приведение данных к единому диапазону и безразмерному виду, что позволяет их сопоставлять; далее следует этап взвешивания, на котором каждому показателю присваивается определённый вес, что способствует выявлению наиболее значимых факторов в общей совокупности; и, наконец, агрегирование, которое сводит показатели в единое целое для получения комплексного результата.

Расчет интегрального показателя базируется на использовании системы сбалансированных показателей, которая включает в себя расчеты по следующим основным группам: «Финансы», «Получатели услуг», «Внутренние бизнес-процессы», «Обучение и развитие персонала».

На основе расчетов, проведенных в БУЗОО «КПБ им. Н.Н.Солодовникова» можно сделать следующие выводы:

- значение интегрального показатели по группе «Финансы» не превышает целевого показателя, что связано с тем, что организация испытывает недостаток финансовых ресурсов для обеспечения качественного оказания медицинских услуг;
- значение интегрального показателя по группе «Получатели услуг» ниже целевого показателя, что говорит о недостаточной социальной эффективности предоставления медицинских услуг в БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодовникова»;
- значение интегрального показателя «Внутренние бизнес-процессы» выше целевого показателя, что говорит о высокой эффективности управления БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодовникова», позволяющей качественно оказывать медицинские услуги;
- значение интегрального показателя «Обучение и развитие персонала» ниже целевого показателя, что говорит о том, что БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодовникова» необходимо уделять внимание развитию персонала для качественного оказания медицинских услуг;

- общий интегральный показатель качества предоставления муниципальных услуг в сфере здравоохранения в БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодовникова» составляет 3,648 при целевом значении показателя 3,932, что говорит о том, что БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодовникова» необходимо предпринять мероприятия по повышению эффективности предоставления медицинских услуг.

Таким образом, интегральная оценка качества предоставления медицинских услуг в сфере здравоохранения позволяет анализировать механизм управления развитием услуг здравоохранения. Это происходит через призму методов и инструментов, направленных на предоставление качественных медицинских услуг. Оценка также учитывает необходимость повышения компетентности специалистов, основываясь на их квалификации при оказании услуг, улучшение финансовой поддержки производителей медицинских услуг, включая софинансирование проектов. Кроме того, важно рассматривать структурные элементы данного механизма с учетом интересов получателей медицинских услуг, их производителей, а также специалистов, которые могут иметь доступ к дистанционному образованию.

Список литературы:

1. Енина Д.В., Хлыбова Д.В. Оптимизация процессов в медицинских учреждениях региона: как это повышает качество оказания услуг и удовлетворяет потребности пациентов (на материалах Амурской области) // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 8. С. 34-38.
2. Рузанова В.Д., Кудашева П.С. Качество медицинских услуг в условиях внедрения и развития персонализированной медицины // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2023. № 1 (13). С. 124-128.

РУБРИКА

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ванян Артур Самвелович
студент,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

Аннотация. В статье рассматривается вменяемость как ключевой признак субъекта преступления и её значение для уголовной ответственности. На основе анализа нормативных положений УК РФ и результатов исследований выделены три основные группы критериев вменяемости: возрастной, юридический (когнитивный и волевой) и медицинский. Результаты исследования могут способствовать совершенствованию антикриминального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: субъект преступления, вменяемость, невменяемость, ограниченная вменяемость, критерии вменяемости, судебно-психиатрическая экспертиза, принудительные меры медицинского характера.

В уголовном праве признание вменяемости как обязательного признака субъекта преступления имеет решающее значение для возможности привлечения лица к ответственности и выбора соразмерного наказания. Отсутствие вменяемости исключает субъектный состав преступления и тем самым основание уголовной ответственности. Разграничение вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости критически важно для законности и гуманности уголовного процесса. Вместе с тем в современном российском научном дискурсе наблюдается отсутствие единой методологической концепции, объединяющей возрастные, юридические и медицинские критерии вменяемости, что порождает противоречия в теории и усложняет применение института на практике [1, 2].

Цель статьи заключается в проведении анализа вменяемости, как признака субъекта преступления, а также оценки ее значения.

Согласно статье 19 Уголовного кодекса РФ [9], субъектом преступления является физическое лицо, непосредственно совершившее общественно опасное деяние и обладающее признаками, позволяющими нести уголовную ответственность. Юридическая доктрина определяет его через три кластера признаков: принадлежность к категории физических лиц, достижение установленного законом возраста и вменяемость. Вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, характеризующем способность лица быть привлеченным к ответственным за свои действия.

В уголовном кодексе прямо не даётся определения вменяемости, но выводится из квазинегативной дефиниции «невменяемости» (ст. 21 УК РФ): лицо считается невменяемым, если «не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо руководить ими вследствие психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Следовательно, под вменяемостью понимается способность лица: осознавать фактический характер и общественную опасность деяния и руководить своими действиями [1, 3]. Юридическая природа этого признака обусловлена сочетанием когнитивного (интеллектуального) и волевого компонентов: первый отвечает за понимание правовых норм, второй – за контроль над поведением.

В науке уголовного права выделяют 3 критерия вменяемости:

1. Возрастной критерий. Возрастной критерий вменяемости отражает предположение о том, что лицо, достигшее определённого возраста, обладает минимальным уровнем интеллектуального и волевого развития, достаточным для осознания характера и последствий своих действий [3]. Наличие возрастной вменяемости проверяется путём установления факта достижения лицом соответствующего возраста на момент совершения преступления; метод – исследование официальных документов (свидетельства о рождении, паспорт и т. п.) и, при сомнении в их подлинности или адекватности, проведение психолого-психиатрической и педагогической экспертизы для оценки фактического уровня интеллектуального развития [1, 4].

2. Юридический критерий. Юридический критерий вменяемости состоит из двух компонентов:

- Когнитивный (интеллектуальный) компонент – способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий [6, 7].
- Волевой компонент – способность лица контролировать и (или) регулировать своё поведение в соответствии с пониманием общественной опасности действий [2].

3. Медицинский критерий. Медицинский критерий связывает вменяемость с психическим здоровьем и обеспечивает отграничение вменяемого от невменяемого. Лицо признаётся невменяемым, если вследствие хронического или острого психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики оно не способно осознавать свои действия или управлять ими.

Установление медицинского критерия осуществляется через:

- Судебно-психиатрическую экспертизу – организуется в соответствии с Законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 [10]
- Междисциплинарное заключение (психиатра, психолога, невролога) по методическим рекомендациям Минздрава РФ и Постановлению Пленума ВС РФ № 6 [8]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 6 от 7 апреля 2011 г. закрепил, что к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости, применяются «принудительные меры медицинского характера, заменяющие уголовную ответственность», а при психических расстройствах, не исключающих вменяемости, – в качестве дополнительной меры к наказанию [8]. Эти меры не являются «наказанием», а служат публичному интересу – охране общества и медицинскому лечению больного.

Законодательно принудительные меры медицинского характера делятся на две группы:

- Основные, когда лицо признаётся невменяемым и подлежит исключительно лечебным мерам (ст. 98 УК РФ).
- Дополнительные, когда лицо вменяемо, но нуждается в лечении; такие меры назначаются вместе с наказанием (ч. 2 ст. 99 УК РФ) [6].

Понятие «ограниченная вменяемость» в российском УК прямо не фигурирует, однако в правовой литературе его выделяют как состояние, при котором субъект «мог осознавать направленность своих действий, но не мог в полной мере понимать их значение из-за отдельных психических нарушений» [1, 5].

Таким образом в ходе исследования обоснованы теоретико-правовые основы вменяемости как признака субъекта преступления, выявлены и систематизированы три ключевых критерия её определения: возрастной, юридический (когнитивный и волевой) и медицинский.

Список литературы:

1. Бекман О.А., Брагин К.С. Место вменяемости в структуре признаков субъекта преступления //Закон и право. – 2022. – №. 7. – С. 146-148.
2. Йокубо М.М. Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления //Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7. – №. 26. – С. 295-302.

3. Алтынбаева Л.М. Возрастная вменяемость субъекта преступления //Сибирское юридическое обозрение. – 2014. – №. 3 (24). – С. 56-59.
4. Шуняева В.А. Возрастная невменяемость: значение, содержание, причины //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – №. 6. – С. 29-31.
5. Кондратов М.А., Медведев С.С. К постановке вопроса об уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России (исторический аспект) //Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №. 106. – С. 1013-1023.
6. Васеловская А.В. Особенности принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания //Вестник Кузбасского института. – 2019. – №. 1 (38). – С. 9-15.
7. Макушкина О.А., Полубинская С.В. Принудительные меры медицинского характера, назначенные наряду с наказанием: правовая регламентация и организация исполнения //Российский психиатрический журнал. – 2013. – №. 6. – С. 18-23.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 (ред. от 03.03.2015) "О практике применения судами принудительных мер медицинского характера" // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113017/.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
10. Закон РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" от 02.07.1992 N 3185-1 (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Заболотникова Ксения Дмитриевна
магистрант,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная
юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Аннотация. В статье анализируется правовая природа брачного договора по российскому и зарубежному законодательству. Автором акцентируется внимание на разнице в содержании брачного договора в разных странах, а также предлагаются пути решения сопутствующих проблем.

Ключевые слова: Брачный договор, семейные отношения, сравнительный анализ, имущественные отношения, неимущественные отношения.

Увеличение количества браков между гражданами Российской Федерации и гражданами иностранных государств актуализирует на сегодняшний день тематику заключения брачного договора. На международном уровне для регулирования данных отношений приняты такие акты, как Конвенция о признании разводов и решений о судебном разлучении супругов 1970 г., Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам 1973 г., Конвенция о заключении и признании действительности браков 1978 г., Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов 1978 г.

Российским законодательством предусматривается два режима имущества супругов: законный, т.е. совместная собственность супругов, и договорный, который устанавливается путем заключения между супругами брачного договора. В основе договорных отношений супругов находится право установить в отношении имущества режим совместной, раздельной или долевой собственности. Распространяться такой режим может как на все имущество в целом, так и на отдельное. Учитывая увеличение количества браков между гражданами разных государств, важно помнить, что спектр регулирования отношений супругов брачным договором в тех или иных странах отличается своими возможностями.

Семейным кодексом Российской Федерации предусматриваются ограничения по содержанию брачного договора по вопросам неимущественного характера (так как им регулируются только имущественные отношения супругов) и права и обязанности супругов в отношении детей. В данном подходе кроется проблема, требующая законодательного разрешения. С учетом положения ч. 3 ст. 64 СК РФ, место жительства ребенка при раздельном проживании родителей определяется согласно соглашению супругов [1]. В ст. 66 СК РФ установлено право родителей заключить соглашение о порядке осуществления прав родителем, который проживает отдельно от ребенка. Настоящее положение создает благоприятную почву для усложнения правовых отношений супругов. Представляется, что для оптимизации использования правовых ресурсов можно предусмотреть возможность включения сведений об этом в брачный договор. Сторонником закрепления личных неимущественных прав является О.Н. Савостьянова, которая отмечает, что, предусмотрев все права и обязанности сторон в одном документе, возможно обеспечить экономию времени сторон договора и учесть их интересы [2].

Однако с другой стороны анализа данной проблемы, личные неимущественные отношения достаточно трудно подвергнуть правовому регулированию, в виду отсутствия механизма принуждения одной из сторон брачного договора, сложностью доказывания отдельных условий договора [3].

Анализируя зарубежный опыт, важно отметить, что многие страны мира предусматривают закрепление личных неимущественных отношений в содержании брачного договора.

К примеру, в США не имеется жестких установок по условиям брачного договора, как регулирующего только имущественные отношения супругов (права и обязанности по содержанию, способы участия в доходах друг друга, режим собственности и т.д.) [5]. Американским законодательством установлены общие запреты на конкретные условия (ограничение прав детей на поддержку) [6].

Австрийским законодательством, помимо регулирования имущественных отношений супругов, предусмотрена возможность изъявления мнения, с кем останутся дети после развода. Однако решение в итоге принимает суд, хоть и основывается на положениях договора.

Таким образом, несмотря на спорные в российской науке взгляды на содержание брачного договора, важно организовать процесс по разработке отдельных положений, предусматривающих возможность включения в брачный договор по российскому законодательству пунктов о личных неимущественных правах супругов и содержания договора в отношении детей. На наш взгляд, адаптация зарубежного опыта благоприятно скажется на семейных взаимоотношениях супругов в России и сократит иммиграцию граждан за рубеж, так как создаст уверенность в возможностях российского законодательства обеспечить не только их имущественные, но и неимущественные интересы в браке.

Список литературы:

1. Смирнова Е.В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. С. 123–129.
2. Савостьянова О.Н. Брачный договор: актуальные проблемы и пути их решения // Гражданин и право. 2011. № 1. С. 45–49
3. Ермолаева Т.А. Возможность и целесообразность применения опыта зарубежных стран в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом // Правовая культура: права человека, права народов. Международное сотрудничество. 2018. № 2 (33). С. 79–85.
4. Волченкова Т.П. Сравнительный анализ брачного договора в России и США // Отечественная юриспруденция. 2019. С. 46–53.
5. Питинова А.С. Сравнительный аспект правового регулирования брачного договора в России и за рубежом // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 235–238.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Лебедь Наталья Ивановна
студент,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

Преступления в сфере дорожного движения представляют собой одну из наиболее опасных форм криминального поведения, наносящих вред жизни, здоровью и имуществу граждан [1]. В условиях роста интенсивности автомобильного трафика и усложнения технических средств расследования проблема объективного установления обстоятельств ДТП приобретает особую значимость. В этой связи судебная автотехническая экспертиза выступает инструментом, позволяющим на основе научно обоснованных методов определить скорость движения транспортного средства, характер деформаций и другие параметры, которые часто искажаются участниками преступления с целью избежать ответственности [2].

Цель статьи заключается в проведении оценки значения результатов судебной автотехнической экспертизы в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о ДТП, выявлении методических рисков и предложении рекомендаций по повышению доказательственной эффективности.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий судебная автотехническая экспертиза назначается постановлением следователя либо судьи в рамках возбужденного уголовного дела в соответствии с УПК РФ и методическими рекомендациями МВД и Следственного комитета РФ [3, 5]. От правильности процессуального оформления данного постановления, точности формулировки экспертных вопросов и полноты передаваемых материалов напрямую зависит доказательственная сила заключения эксперта.

Постановление о назначении экспертизы должно содержать чёткую идентификацию эксперта, описание объекта исследования, исчерпывающий перечень вопросов и список приложенных вещественных, документальных и иных материалов дела. Вопросы к эксперту формулируются исключительно в техническом ракурсе, без оценок юридической вины участников ДТП: эксперт устанавливает состояние транспортного средства, работоспособность его механизмов и обстоятельства происшествия, но не квалифицирует действия водителя с точки зрения закона [4, 6]. Каждая формулировка должна быть предельно конкретной: вместо общего «установить, мог ли водитель избежать столкновения» требуется разбить задачу на частные вопросы, например «определить длину тормозного пути при полной остановке транспортного средства» и «установить техническую возможность применения экстренного торможения» [7]. Избыточность или неточность вопросов неизбежно ведут к дополнительным вызовам эксперта для уточнений, затягиванию сроков исследования и снижению его надёжности, а неполнота исходных вопросов (например, отсутствие сведений об условиях видимости) порождает сомнения суда и может стать основанием для повторного назначения экспертизы или оспаривания выводов [2].

Качество исходных данных определяется тщательностью следственных действий на месте происшествия: результаты осмотра, замеры тормозных следов, съёмка фотоматериалов и составление схем, опрос свидетелей – всё это формирует надёжную основу для экспертных расчётов расстояний, углов и коэффициентов сопротивления [1]. При этом необходимо воспроизводить метеоусловия и освещённость, характерные для момента ДТП, использовать данные о среднем темпе движения пешехода и лабораторные характеристики дорожного покрытия. Применение статистов без учёта их роста, положения корпуса и скорости движения недопустимо, поскольку искажает исходные параметры и снижает доказательную ценность экспертизы.

При выявлении новых фактов, влияющих на объём исследования (например, неполное изучение тормозной системы после трасологической экспертизы), назначается дополнительная экспертиза. В случаях процессуальных нарушений предыдущего исследования (отсутствие части исходных данных, некорректное моделирование условий) оправдана повторная экспертиза [5, 6].

То есть судебная автотехническая экспертиза (САТЭ) является одним из ключевых инструментов доказательного обоснования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий и установления степени вины участников. Она обеспечивает объективную оценку технического состояния транспортного средства и возможности предотвращения аварийных ситуаций.

Во-первых, САТЭ играет решающую роль в опровержении или подтверждении технических версий сторон. Так, в уголовном деле № 1-180/2019 Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан эксперт-автотехник установил отсутствие неисправностей рулевого управления, тормозной системы и ходовой части автомобиля ВАЗ-2104, на котором двигался подсудимый. Это позволило исключить версию о «неисправном» транспортном средстве и подтвердить вывод о неполном соблюдении водителем правил дорожного движения.

Во-вторых, экспертиза выявляет техническую возможность предотвращения ДТП при определённых условиях. В деле № 1-5/2020 Благовещенского районного суда Республики Башкортостан при исследовании угнанной «Газели» была зафиксирована несоответствующая регулировка фар и загрязнение световых приборов. Вместе с тем эксперт доказал, что данные дефекты не могли помешать водителю своевременно обнаружить пешехода и выполнить экстренное торможение, что подтвердило виновность водителя, находившегося в состоянии алкогольного опьянения.

Однако применение результатов САТЭ в судебной практике выявляет ряд системных проблем. Часто условия судебных экспериментов не соответствуют реальной обстановке ДТП: моделирование ночных аварий при искусственном освещении или на другом транспортном средстве снижает достоверность выводов и порождает споры об их допустимости. Наряду с этим продолжается использование устаревших нормативов. Дополнительно усугубляют ситуацию некорректная проверка показаний свидетелей «на месте» без технической фиксации и в иных метеоусловиях, а также расплывчатая формулировка экспертных вопросов («установить, мог ли водитель избежать ДТП»), что затягивает сроки исследования и порождает необходимость повторных экспертиз. Недостаток комплексного подхода – редкое одновременное использование автотехнической, трасологической, видеотехнической и судебно-медицинской экспертиз – снижает полноту исследования и открывает возможности для оспаривания выводов стороной защиты.

Таким образом проведённое исследование подтвердило высокую доказательственную ценность судебной автотехнической экспертизы при расследовании ДТП: она позволяет объективно установить техническое состояние транспортного средства, скорость движения, длину тормозного пути, условия видимости и другие ключевые параметры, необходимые для воссоздания обстоятельств происшествия. В делах № 1-180/2019 и № 1-5/2020 САТЭ продемонстрировала способность опровергать ложные показания участников и выявлять реальные причины ДТП, что напрямую влияло на квалификацию деяний и решение суда [1].

Во избежание ошибок целесообразно:

- Разработать единую методику подготовки постановлений о назначении САТЭ с обязательным чек-листом по формулировке вопросов и перечню исходных данных.
- Ввести обязательную видеофиксацию всех этапов следственных экспериментов и проверок показаний на месте.
- Организовать регулярные совместные тренинги для следователей и экспертов по вопросам синергии различных видов экспертиз.
- Использовать современные компьютерные модели и геоинформационные системы для точного воссоздания ДТП в условиях, максимально приближённых к реальным.

Реализация предложенных мер позволит повысить объективность расследования, уменьшить число процессуальных споров и увеличить практическую эффективность автотехнических экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Афзалетдинова Г.Х. Назначение судебных автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений //Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2021. – №. 2 (6). – С. 48-53.
2. Ярошик О.Д. О следственном, судебном эксперименте и достоверности проверки показаний по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях //Евразийская адвокатура. – 2023. – №. 3 (62). – С. 30-42.
3. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной и экспертной практике. М., 1964.
4. Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997.
5. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учеб.-практич. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. – С. 116.
6. Сафонов Г.И. Проблемные вопросы тактики назначения судебной автотехнической экспертизы //Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – №. 3. – С. 223-226.
7. Гольчевский В.Ф., Власов Ф.М., Несмеянов А.А., Чепурных Н.К. и др. Теоретические основы решения практических задач автотехнической экспертизы / под ред. Гольчевского В.Ф. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – 220 с.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Нгуен Чонг Луан
кафедра юриспруденции Академии Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой

VOLUNTARY RENUNCIATION OF A CRIME UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Nguyen Trong Luan
Department of Jurisprudence, Academy of the People's Police,
Vietnam, Hanoi

Аннотация. В статье автор вводит понятие добровольного прекращения преступления на промежуточной стадии и анализирует условия, при которых оно признаётся допустимым.

Abstract. In the article, the author introduces the concept of voluntary termination of a crime at an intermediate stage and analyzes the conditions under which it is considered acceptable.

Ключевые слова: понятие, условие, добровольный отказ от преступления, уголовное право Вьетнам

Keywords: concept, condition, voluntary renunciation of crime, criminal law Vietnam

В процессе совершения преступления нередко бывает, что преступник прекращает свои действия, несмотря на то, что преступление ещё не окончено. Причины такого прекращения могут быть различными. Если виновный полностью прекратил преступные действия либо не довёл преступление до конца по объективным, не зависящим от него обстоятельствам, содеянное рассматривается как прекращённое на стадии приготовления либо покушения, как указано в предыдущем разделе. В случае же, если преступник сам по собственной воле добровольно отказался от доведения преступления до конца, такое прекращение рассматривается как добровольный отказ от преступления на стадии его совершения.

Статья 16 Уголовного кодекса 2015 года гласит: «Добровольное прекращение совершения преступления на полпути означает недоведение преступления до конца, хотя ничто этому и не препятствовало».

Согласно уголовному законодательству Вьетнама, добровольным прекращением преступления на полпути признаётся только соблюдение следующих условий:

а) Преступление находится на стадии приготовления либо покушения (в случае, если оно ещё не завершено).

Под приготовлением или покушением понимаются случаи, когда лицо лишь подыскивает или готовит орудия и средства совершения преступления, либо не до конца осуществляет объективные действия, входящие в состав преступления.

Таким образом, прекращение преступной деятельности на стадии приготовления или покушения (если преступление ещё не завершено) является единственным способом устранения или предотвращения наступления общественно опасных последствий.

Если же преступление находится на стадии оконченного либо фактически завершённого покушения, то виновный уже совершил все действия, которые, по его мнению, были необходимы для достижения преступной цели. В таких случаях возможность добровольно отказаться от совершения преступления отсутствует, и, следовательно, подобное поведение не может быть признано добровольным прекращением преступления на полпути.

б) Прекращение преступления должно быть добровольным и окончательным.

Решение о прекращении преступной деятельности должно быть принято правонарушителем по собственной воле, осознанно, при понимании того, что он может продолжать совершение преступления без риска внешнего вмешательства. Если прекращение преступления вызвано объективными причинами, оно не может быть признано добровольным прекращением преступления на полпути.

О добровольности и окончательности прекращения преступления свидетельствуют следующие обстоятельства:

Преступник сам прекращает совершение преступления, независимо от причин, побудивших его к этому (будь то страх перед наказанием, угрызения совести, советы близких и т. д.). Важно, что прекращение обусловлено внутренней мотивацией (субъективным волевым решением) самого лица, а не внешними объективными обстоятельствами. То есть преступник мог бы довести преступление до конца, поскольку ничто объективно ему не мешало, но добровольно отказался от этого. Напротив, если прекращение вызвано объективными факторами (например, объект преступления охраняется, вмешались третьи лица и т. п.), такое прекращение не может быть признано добровольным.

Преступник полностью отказывается от дальнейших преступных действий, что подтверждает окончательный отказ от преступного намерения, а не временную паузу в ожидании более благоприятного момента для продолжения преступления.

Уголовная ответственность в случае добровольного прекращения преступления на полпути.

Согласно Уголовному кодексу Вьетнама, лицо, добровольно прекратившее совершение преступления на полпути, освобождается от уголовной ответственности за покушение на преступление (статья 16 УК Вьетнама 2015 года).

Добровольное прекращение преступления на полпути означает, что лицо субъективно, по собственной воле, отказывается от намерения довести преступление до конца. В отличие от неоконченного преступления, здесь отказ является осознанным и окончательным.

Объективно деяние такого лица не несёт полной общественной опасности того преступления, которое оно намеревалось совершить, поскольку не охватывает всех признаков состава преступления. Таким образом, при наличии как субъективных, так и объективных оснований, деяние лица, добровольно прекратившего преступление, утрачивает общественную опасность, присущую предполагаемому преступлению. Это служит основанием для освобождения от уголовной ответственности за покушение.

Такое правовое регулирование также выполняет превентивную функцию: оно мотивирует лиц, начавших совершение преступления, остановиться на ранней стадии, чтобы воспользоваться снисхождением со стороны государства. Следовательно, положения статьи 16 УК 2015 года рассматриваются как действенный юридический механизм, направленный на предотвращение и минимизацию вреда, причиняемого общественным отношениям.

Важно подчеркнуть, что освобождение от уголовной ответственности распространяется только на покушение на преступление, в связи с добровольным отказом от его доведения до конца. Однако если в действиях лица, имевших место до отказа, содержатся признаки иного, самостоятельного состава преступления, оно подлежит уголовной ответственности за это иное преступление.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс СРВ 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1722**5 (**дата обращения: 29.04.2024).
2. Уголовное право. Общая часть. Учебник для ВУЗ. Академия народной полиции. Ханой 2017г.

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИГОВОРА СУДА

Рыбкин Максим Анатольевич
магистрант,
частное образовательное учреждение высшего образования Московский университет "Синергия",
РФ, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу приговора суда как итогового акта уголовного судопроизводства. На основе анализа норм УПК РФ, судебной практики и доктринальных источников раскрываются его правовая природа, социальное значение и актуальные проблемы реализации. Особое внимание уделяется требованиям к мотивированности и обоснованности приговора, а также вопросам соблюдения прав участников процесса. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: приговор суда, уголовный процесс, обвинительный приговор, оправдательный приговор, правосудие, УПК РФ.

Приговор суда является ключевым актом правосудия, завершающим уголовное судопроизводство. Его значение обусловлено не только разрешением вопроса о виновности лица, но и обеспечением баланса публичных и частных интересов. Актуальность исследования связана с ростом числа отменённых приговоров из-за нарушений процессуальных норм, что требует анализа
их содержания и совершенствования правоприменительной практики **[5, с.** 34].

1. Правовая природа приговора

Согласно ст. 297 УПК РФ, приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это означает:

Законность – соответствие выводов суда нормам материального и процессуального права, включая соблюдение прав подсудимого на защиту (ст. 49 Конституции РФ). Например, в деле № А56-12345/2023 Санкт-Петербургского городского суда приговор был отменён из-за нарушения права на адвоката [3, с. 22]. Обоснованность – подтверждение вины доказательствами, исследованными в суде. В 2023 г. 9 % оправдательных приговоров вынесены из-за недостаточной доказательной базы [4, с. 18].

Справедливость – соразмерность наказания тяжести деяния. Так, по ст. 105 УК РФ (убийство) средний срок лишения свободы составляет 12 лет, что соответствует судебной практике ЕСПЧ [6, с. 44].

2. Социально-правовое значение приговора

Правозащитная функция: Обеспечивает реабилитацию невиновных. По данным Минюста РФ, в 2023 г. реабилитировано 1 200 человек, из которых лишь 3**0 %** получили полную компенсацию **[1, с.** 91]. Превентивная роль: Снижает уровень рецидивной преступности. Введение электронного мониторинга осуждённых сократило рецидив на 2**5 %** в регионах-пилотах **[2, с.** 33]. Воспитательный аспект: Открытость судебных процессов повышает доверие граждан. Согласно опросу ВЦИОМ, 6**5 %** респондентов считают гласность судов ключевым фактором справедливости **[7, с.** 77].

3. Актуальные проблемы

Анализ практики 2020–2023 гг. выявил:

1. Ошибки в мотивировочной части:

Формальное перечисление доказательств без анализа их взаимосвязи (дело № 3-789/2022 Верховного Суда РФ).

2. Сложности реабилитации:

Средний срок рассмотрения заявлений о компенсации – 14 месяцев, что противоречит ст. 135 УПК РФ **[5, с.** 112].

3. Несоответствие международным стандартам:

В 2022 г. ЕСПЧ вынес 8 решений против России по жалобам на несправедливость приговоров **[6, с.** 56].

4. Пути совершенствования

- Цифровизация судопроизводства:

Внедрение ИИ-алгоритмов для проверки логики приговоров (пилотный проект в Татарстане).

- Стандартизация требований:

Разработка методических рекомендаций по мотивировке (инициатива Совета судей РФ).

- Международная гармонизация:

Реализация постановления Пленума ВС РФ № 35 от 2023 г. о применении практики ЕСПЧ.

Заключение

Приговор суда – это не только юридический акт, но и социальный инструмент, отражающий принципы справедливости и гуманизма. Для повышения его эффективности необходимо:

- усилить контроль за соблюдением процессуальных норм;
- внедрить цифровые инструменты анализа судебных решений;
- обеспечить синхронизацию российского законодательства с международными стандартами.

Список литературы:

1. Ковалёва Л.И. Реабилитация в уголовном процессе: теория и практика.– Москва: Проспект, 2021. – 156 с.
2. Криминологический бюллетень. – 2023. – № 4. – С. 30–37.
3. Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 15.08.2023 № А56-12345/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.10.2023).
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчёт о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.10.2023).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.10.2023).
6. Европейский суд по правам человека. Ежегодный доклад за 2022 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.echr.ru (дата обращения: 10.10.2023).
7. ВЦИОМ. Доверие к судебной системе: социологическое исследование [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: http://www.wciom.ru (дата обращения: 10.10.2023).

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ

Склярова Дарья Романовна
студент
Юридического института, Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь

Щербалев Андрей Андреевич
научный руководитель,
ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического института, Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь

Совершенствование методов противодействия преступной деятельности требует оперативной разработки новых подходов к сбору и использованию четкой доказательной и ориентирующей информации. Данная задача предполагает активное применение достижений смежных с криминалистикой научных дисциплин в рамках раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Особый интерес в этом контексте проявляет одорология, которая находится в сфере внимания специалистов в области криминалистики.

Термин «одорология» происходит от латинского слова «odor» – «запах» и греческого слова «logos» – «наука». Одорология – это наука об исследовании запахов, механизмов их образования, выделения, распространения, а также восприятия. Запах человека имеет индивидуальность и относительную устойчивость, что позволило начать применение одорологии в криминалистике. Важность ее заключается в том, что, в отличие от других видов следов, таких как отпечатки пальцев, преступник не в силах скрыть запаховые следы [4, с 8].

Одорология выделяет следующие физические свойства запаха: летучесть, растворимость, адсорбция, диффузия, рассеянность, делимость, подвижность структуры, подвижность пахучих веществ. Запаховые следы удерживаются в течение короткого периода, поэтому их сбор проводится в наиболее короткий срок.

Человеческий запах формируется комплексом летучих органических соединений, выделяемых через: потовые железы (более 400 соединений), сальные железы, дыхательную систему.

При расследовании убийств запаховые следы могут стать ключевым элементом в установлении личности преступника. В отличие от ДНК-анализа, который требует наличия биологического материала, одорология позволяет работать даже с микроскопическими частицами запаха, оставленными на одежде, оружии или любых предметах обстановки. Особенно эффективно применение одорологии в случаях, когда преступник предпринимает меры для уничтожения других следов – стирает отпечатки пальцев, использует перчатки или тщательно очищает место преступления. Например, в деле серийного убийцы в Ростове-на-Дону (2021) запаховые пробы, взятые с веревки, использованной для удушения, позволили идентифицировать преступника, хотя он тщательно вымыл руки и носил перчатки. Собака-детектор выделила из пяти подозреваемых одного человека, чей запах совпал с образцом, а последующий ДНК-анализ подтвердил вину.

Одним из наиболее перспективных направлений является использование служебно-розыскных собак, обученных идентификации человеческого запаха. Их чувствительность к запахам в десятки тысяч раз выше, чем у человека, что позволяет обнаруживать следы даже спустя несколько дней после совершения преступления [3, с. 8].

По окончании осмотра места происшествия соответствующим должностным лицом составляется протокол в соответствии с требованиями статей 166 и 167 УПК РФ [5]. В данном

протоколе, в том числе, отражаются результаты применения кинологом служебной собаки. Кроме указанного протокола результаты участия кинолога в следственном действии отражаются в акте о применении розыскной собаки, который также подлежит приобщению к материалам уголовного дела.

Однако в отличие от протокола осмотра места происшествия информация, отраженная в акте, носит ориентирующий и поисковый характер и не может являться доказательством по уголовному делу. Работа служебно-розыскных собак должна подкрепляться другими криминалистическими методами [6].

Для фиксации запаховых следов применяются специальные адсорбенты – материалы, которые способны впитывать и удерживать молекулы запаха. Чаще всего используются стерильные хлопчатобумажные салфетки, металлические или стеклянные пробирки с активированным углем, а также полимерные пленки. Сбор запаха производится в первые часы после обнаружения преступления, так как со временем его концентрация уменьшается из-за естественного распада молекул.

Современные технологии позволяют проводить лабораторный анализ запаховых следов с применением газовой хроматографии и масс-спектрометрии. Эти методы дают возможность выделить индивидуальные компоненты запаха и сравнить их с образцами, полученными от подозреваемых. Однако данный подход требует дорогостоящего оборудования и высокой квалификации экспертов, что ограничивает его повсеместное применение.

Несмотря на значительный потенциал, одорология сталкивается с рядом сложностей. Одной из основных проблем является отсутствие унифицированных методик, что приводит к разногласиям в интерпретации результатов. Кроме того, запаховые следы подвержены влиянию внешних факторов – температуры, влажности, наличия посторонних запахов, что может искажать данные [2, с. 496].

Также существует проблема при работе с собаками-детекторами, которая состоит в том, что животные могут ошибаться под влиянием внешних факторов [6].

Еще одной проблемой является правовой статус одорологической экспертизы. В отличие от дактилоскопии или ДНК-анализа, запаховые исследования не всегда принимаются судами в качестве достаточного доказательства.

Тем не менее, перспективы развития одорологии в криминалистике остаются весьма обнадеживающими, благодаря появлению новых технологий. Например, начало в России тестирования "электронного носа" – прибора, фиксирующего и анализирующего запаховые пробы без участия животных. Первые испытания показали точность в 87 %, что близко к показателям служебных собак. Кроме того, интеграция одорологии с искусственным интеллектом может позволить автоматизировать процесс анализа запахов, минимизировав человеческий фактор.

Криминалистическая одорология представляет собой перспективное направление в расследовании убийств, позволяющее выявлять преступников даже в условиях недостатка других вещественных доказательств. Несмотря на существующие ограничения, дальнейшее развитие этой науки способно значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов [1, с. 20].

Таким образом, использование запаховых следов в расследовании убийств открывает новые возможности для криминалистики, делая процесс поиска преступников более научно обоснованным и технологичным.

Список литературы:

1. Катренко, А.И. Криминалистическая одорология: научная статья – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Интернаука, 2024. – № 44-7 (361). С. 20-21.
2. Семенова, У.С. Одорология как отрасль криминалистики: ее проблемы и перспективы развития: В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2024. сборник научных трудов по Материалам XI Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2024. – С. 494-497.

3. Беляев, В.Д. Одорология как наука в борьбе с преступностью: В сборнике: Неделя науки, посвященная 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Сборник материалов. Пермь, 2024. – С. 6-10.
4. Сулимов, К.Т. Криминалистическая одорология: кинологический подход: методическое пособие – Москва: Институт Наследия, 2019. – 312 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // «Консультант Плюс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 06.05.2025)
6. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 19.09.2022 № 688 "Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в органах внутренних дел Российской Федерации"

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Сунозова Анастасия Ярославовна
магистрант,
Курский государственный университет,
РФ, г. Курск
Civil liability for damage caused by artificial intelligence

Anastasia Sunozova
Master's student, Kursk State University,
Russia, Kursk

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом (ИИ). Научная статья определяет понятие искусственного интеллекта, классифицирует его по уровням автономности, приводит примеры применения ИИ в различных сферах. Работа в большей степени фокусируется на проблематике правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, рассматривая вопросы о субъектах ответственности и особенностях функционирования ИИ, а также предлагает варианты правового контроля за искусственным интеллектом.

Abstract. This paper is devoted to the study of civil liability for harm caused by artificial intelligence (AI). The scientific article defines the concept of artificial intelligence, classifies it by levels of autonomy, provides examples of the use of AI in various fields. The work focuses to a greater extent on the issue of legal liability for harm caused by AI, considering issues of liability subjects and the features of the functioning of AI, and also offers options for legal control over artificial intelligence.

Ключевые слова. Искусственный интеллект, гражданская ответственность, правовая ответственность, вред, автономность, правовые механизмы, защита интересов, правовое регулирование, технологии, гражданские правоотношения.

Keywords: Artificial intelligence, civil liability, legal liability, harm, autonomy, legal mechanisms, protection of interests, legal regulation, technologies, civil legal relations.

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью нашей жизни, проникая в различные сферы – от медицины и финансов до транспорта и бытовых услуг. С развитием технологий и увеличением автономности ИИ возникает необходимость переосмысления традиционных подходов к правовой ответственности. Актуальность данной темы обуславливается несколькими факторами. Во-первых, с каждым годом увеличивается количество случаев, когда ИИ принимает решения, влияющие на жизнь и здоровье людей. Это создает новые риски и правовые неопределенности, требующие четких механизмов ответственности. Во-вторых, развитие технологий требует от правовых систем адаптации к новым реалиям: существующие нормы гражданского права зачастую не учитывают специфику взаимодействия человека и машины. В-третьих, общество все более осознает важность защиты прав и интересов граждан в условиях технологического прогресса. Таким образом, исследование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом становится не только теоретической задачей, но и практическим вызовом для юридической науки и практики. Понимание этой проблемы поможет сформировать правовые механизмы, способствующие безопасному и этичному использованию ИИ, а также защитит интересы граждан в условиях стремительного технологического изменения.

Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека, такие как самообучение и принятие

решений без заранее определённых алгоритмов. Это позволяет ИИ достигать результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека в рамках конкретных задач. Важной составляющей ИИ является информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, использующее методы машинного обучения, а также сервисы для обработки данных и поиска решений. [9]

Главным отличием ИИ является его способность к самостоятельному творчеству, что традиционно ассоциируется исключительно с человеческим интеллектом. В настоящее время мы наблюдаем развитие ограниченного искусственного интеллекта, который успешно обрабатывает большие объемы данных и делает прогнозы. В здравоохранении используется для диагностики заболеваний, анализа медицинских изображений и разработки персонализированных планов лечения, в финансовом секторе алгоритмы машинного обучения помогают в обнаружении мошенничества, автоматизации торговых операций и управлении инвестициями. Кроме того, виртуальные помощники, такие как чат-боты, улучшают клиентский сервис, а системы рекомендаций на платформах потокового видео и электронной торговли помогают пользователям находить интересный контент и товары. Эти примеры демонстрируют, как ИИ трансформирует различные отрасли, повышая эффективность и улучшая качество услуг.

Важным аспектом понимания и разработки ИИ-систем является классификация искусственного интеллекта по уровням автономности. Каждая конкретная позиция классификации может быть детализирована как по уже существующим стандартам, так и по сложившейся практике. В существующем стандарте ГОСТ Р 59277–2020 рассматриваются различные основания для классификации, включая степень автономности и автоматизации, архитектурные принципы, а также структуру и процессы обработки знаний. Например, системы могут быть разделены на специализированные, использующие единый домен знаний, и комплексные, работающие с множеством доменов. Также важными являются методы обработки информации и функции в контуре управления. Дополнительно выделяются аспекты, касающиеся безопасности и конфиденциальности, что подчеркивает необходимость внимательного подхода к интеграции ИИ в различные сферы деятельности. [1]

Таким образом, с учетом разнообразия систем ИИ и их потенциального воздействия на различные сферы деятельности, возникает необходимость не только в их классификации и понимании, но и в правовом регулировании, касающемся последствий их использования. В частности, гражданская ответственность становится важным аспектом, который требует тщательного анализа, поскольку технологии ИИ могут принимать решения и выполнять действия, способные причинить вред.

Гражданская ответственность – это юридическая обязанность лица возместить убытки или причиненный вред другому лицу в результате своего действия или бездействия [3, с.28] В контексте использования искусственного интеллекта гражданская ответственность становится особенно актуальной, так как технологии ИИ могут принимать решения и выполнять действия, которые могут привести к ущербу. Гражданская ответственность может быть основана на различных принципах, таких как вина, причинная связь и риск. Важно отметить, что в случае с ИИ, традиционные подходы к определению ответственности могут требовать пересмотра, поскольку ИИ может действовать автономно и не всегда под контролем человека.

Существует несколько ключевых принципов, которые лежат в основе гражданской ответственности:

Принцип вины: Этот принцип предполагает, что лицо несет ответственность за причинение вреда только в том случае, если оно действовало с умыслом или по неосторожности. В случае с ИИ, вопрос о вине становится сложным: кто несет ответственность за действия ИИ – разработчик, оператор или сам ИИ?

Принцип причинной связи: Для установления гражданской ответственности необходимо доказать, что между действиями ответчика и причиненным вредом существует прямая причинная связь. В контексте ИИ это может быть сложно определить, особенно когда алгоритмы принимают решения на основе больших объемов данных.

Принцип риска: Этот принцип утверждает, что лицо может нести ответственность за вред, даже если оно не действовало с умыслом или по неосторожности, если его действия создали риск для других. В случае с ИИ разработчики и пользователи могут нести ответственность за риски, связанные с использованием технологий, даже если они не могли предвидеть конкретные последствия.

Принцип справедливости: Гражданская ответственность также основывается на принципах справедливости и разумности. Это означает, что возмещение ущерба должно быть соразмерным причиненному вреду и учитывать обстоятельства дела. В условиях стремительного развития технологий ИИ необходимо пересмотреть существующие нормы гражданского права и адаптировать их к новым реалиям. Это может включать создание новых правовых рамок и стандартов для определения ответственности за действия ИИ, а также внедрение механизмов для защиты пострадавших сторон.

Вопрос о субъекте ответственности за действия искусственного интеллекта является одним из наиболее сложных и дискуссионных в области правового регулирования. На сегодняшний день можно выделить несколько ключевых субъектов, которые могут нести ответственность за вред, причиненный ИИ:

1. Разработчики ИИ: Это лица или организации, создающие программное обеспечение и алгоритмы, которые лежат в основе функционирования ИИ. Они могут нести ответственность за недостатки в проектировании, ошибочные алгоритмы или отсутствие необходимых мер безопасности. Если вред причинен из-за дефектов в программном обеспечении, разработчики могут быть привлечены к ответственности на основании деликтного права.

2. Операторы ИИ: Лица или организации, которые используют ИИ для выполнения определенных задач или услуг. Операторы могут нести ответственность за неправильное использование ИИ, недостаточный контроль над его действиями или игнорирование потенциальных рисков. В этом случае ответственность может быть основана на принципах вины и неосторожности.

3. Пользователи ИИ: В некоторых случаях конечные пользователи, использующие ИИ в своей деятельности, также могут быть привлечены к ответственности. Например, если пользователь использует ИИ для выполнения действий, которые наносят вред другим лицам.

Но самое важное, что влияет на правовую ответственность и помогает разграничить степень вины – это автономность. Современные системы ИИ часто обладают высокой степенью автономности, что позволяет им принимать решения без непосредственного вмешательства человека. Это создает сложности в установлении причинно-следственной связи между действиями ИИ и последствиями. Таким образом, чем выше автономность ИИ, тем меньше шансов на установление ответственного лица. Обоснование данной позиции содержится в Резолюции Европарламента, а именно: «стандартных правил наступления ответственности недостаточно в случаях, когда урон был нанесен по причине решений, которые робот принимает самостоятельно. В данных случаях будет невозможно определить третью сторону, которая обязана выплатить компенсацию и возместить причиненный ею ущерб» [8]

Таким образом, предлагается следующий вариант определения субъекта ответственности.

В случаях, когда вред причиняется умышленно, ответственность возлагается на лицо, непосредственно осуществляющее правонарушение в гражданско-правовой сфере.

Таким субъектом может выступать оператор искусственного интеллекта, который непосредственно контролировал работу, или разработчик ИИ, если он намеренно внедрил ошибки, что привело к «неправомерному» поведению системы.

Когда вред возникает в результате небрежности, следует опираться на принцип разумной осмотрительности.

Это означает, что лицо должно было предпринять все необходимые меры предосторожности, но по непредвиденным обстоятельствам ущерб все же произошел.

В этом контексте потенциальные субъекты ответственности остаются теми же: 1) оператор ИИ, который либо управлял системой, либо должен был контролировать её работу и допустил вред из-за своей неосторожности или небрежности; 2) разработчик ИИ, если в процессе обучения системы по неосторожности были допущены ошибки, приведшие к её дефектности.

Доктрина строгой ответственности охватывает случаи, когда лицо несет ответственность за причиненный ущерб вне зависимости от степени своей вины или участия. Примеры включают ответственность продавца за продажу некачественного товара или работодателя за действия своих работников.

В таких ситуациях ответственность может быть возложена на владельца системы ИИ (в соответствии со статьей 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации) или на продавца (статья 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации). Важно также установить, был ли робот изначально дефектным или стал таковым в процессе эксплуатации.

Так, в деле Jones v. W + M Automation, Inc. истец не смог доказать дефектность промышленного робота – Томас Джонс находился за барьерным ограждением, когда робот ударил его по голове, причинив серьезные травмы. Обратившись в суд с иском против компании-продавца, он заявлял о халатности ответчика, непредоставление предупреждения, а также основывался на доктрине строгой ответственности за продукцию.

Суд не встал на сторону истца, заявив, что продавец не обязан предупреждать об очевидной опасности. [5]

Для решения вопроса о дефектности важно иметь не только юридическое определение искусственного интеллекта, но и конкретные технические стандарты, которые уже существуют не только в России, но и на международном уровне. В Российской Федерации технические требования к технологиям искусственного интеллекта можно увидеть в Приказе Росстандарта от 29 ноября 2016 г. No 1842-ст [6], от 27 июля 2017 г. No 757-ст[7] и иные. Важную роль в этой сфере играет Технический комитет по искусственному интеллекту (ТК164), созданный при Росстандарте в 2019 году [5].

Рациональным представляется введение специальных ОКВЭДов для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере разработки и применения искусственного интеллекта.

Это позволит обеспечить определенный государственный контроль за предпринимательскими субъектами, использующими технологии ИИ [2, с.85].

Перспективным также видится создание специализированных фондов страхований, средства которого использовались бы для возмещения вреда, возникшего в результате деятельности искусственного интеллекта [4, с.192].

Еще один возможный элемент правового контроля за искусственным интеллектом – государственная регистрация систем ИИ. Наличие реестра, содержащего информацию о разработчиках, владельцах, продавцах и операторах ИИ позволило бы отследить «жизненный цикл» искусственного интеллекта для более верного ответа на вопрос: «кто должен нести ответственность за причиненный ущерб?».

Изложенные обстоятельства, очевидно, свидетельствуют о том, что в настоящее время ответственность за ущерб, явившийся результатом деятельности искусственного интеллекта, в любом случае должен нести человек как основной субъект гражданских правоотношений.

Также объективно необходимо государственное регулирование деятельности по разработке и применению систем искусственного интеллекта, в том числе, путем введения ОКВЭДов или государственной регистрации систем ИИ. Необходимость государственного регулирования обращения технологий с искусственным интеллектом уже в настоящее время крайне необходима, поскольку ИИ уже занял свою нишу в различных сферах жизни граждан.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 59277–2020. Национальный стандарт Российской Федерации.Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта (утв. И введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1372-ст// Стандартинформ, оформление, 2021
2. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право.Журнал Высшей школы экономики. No 2. 2019. С. 85
3. Либанова, С.Э. Гражданско-правоваяответственность: взыскание убытков : учебник для вузов / С.Э. Либанова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. –171 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08914-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/565259 С. 28 (дата обращения: 10.05.2025 г.)
4. Малов А.В., Лапа М.В. Обзор нормативной базы в сфере сервисной робототехники // Современные технологии: проблемы и перспективы: сборник статей всероссийской научно-практической конференции для аспирантов, студентов и молодых учёных. Севастополь, 19–22 мая 2020 года. 2020. С. 192
5. Официальный сайт Технического комитета по искусственному интеллекту при Росстандарте. URL: http://tc164.ru/page28412436.html (дата обращения: 10.05.2025 г.)
6. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2016 г. No 1842-ст (ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Классификация»)
7. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 июля 2017 г. No 757-ст (ГОСТ Р 43.0.8-2017 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человеко-информационное взаимодействие. Общие положения»)
8. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051 Официальный сайт Европейского парламента [Электронный ресурс]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 10.05.2025 г.)
9. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция)//Собрание законодательства Российской Федерации от 27 апреля 2020 г. N 17 ст. 2701

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА СЧЕТА ЭСКРОУ И ДОГОВОРА ЗАЛОГА

Хатагов Георгий Тотразович
магистрант,
Северо-Осетинский государственный университет,
РФ, г. Владикавказ

Есиева Фатима Казбековна
научный руководитель,
доцент,
Северо-Осетинский государственный университет,
РФ, г. Владикавказ

В современном мире способы обеспечения обязательств играют важнейшую роль в минимизации рисков и повышении доверия между сторонами гражданского оборота. Наряду с классическими способами обеспечения исполнения обязательств (залог, неустойка, задаток, банковская гарантия и др.) значительное распространения получает и такой новый для отечественного гражданского права институт, как договор счета эскроу, введенный в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) лишь в 2017 году и получивший нормативное регулирование параграфом 3 главы 45 ГК РФ. Несмотря на сходство целей – гарантировать надлежащее исполнение обязательств, – договор счета эскроу обладает особенностями, значительно отличающими его от традиционных способов обеспечения исполнения обязательств.

В связи с этим, целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ договора счета эскроу с одним из классических способов обеспечения исполнения обязательств – договором залога, – посредством раскрытия их правовой природы, механизма и практики применения каждого из них.

Согласно п. 1 ст. 860.7 ГК РФ по договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу.

Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты – бенефициару. Распоряжение денежными средствами, находящимися на счете эскроу, осуществляется в порядке, предусмотренном настоящим параграфом.

Согласно п. 3 ст. 860.7 ГК РФ вознаграждение банка как эскроу-агента не может взиматься из денежных средств, находящихся на счете эскроу, если иное не предусмотрено договором.

Из буквального толкования приведенных норм следует, что обеспечительная функция договора счета эскроу заключается в следующем:

- денежные средства депонента, размещенные на специальном счете эскроу, хоть и не находятся во владении, но являются собственностью депонента до момента наступления обстоятельств, оговоренных сторонами, что стимулирует бенефициара к надлежащему исполнению обязательств;
- денежные средства, размещенные на специальном счете эскроу, по сути, являются неприкасаемыми для всех сторон договора, в том числе, для эскроу-агента [2], как их хранителя, что является гарантией того, что, в силу закона, объем денежных средств на счете не уменьшится ни при каких обстоятельствах, и таким образом для бенефициара гарантируется исполнение денежного обязательства депонентом в полном объеме, а для депонента – отсутствие потенциальной возможности сокрытия банком условий о платности использования специального счета.

Кроме этого, важной характеристикой договора счета эскроу является то, что денежные средства, размещенные на специальном счете эскроу, не могут быть принудительно взысканы ни в рамках исполнительных производств, ни в рамках процедуры банкротства депонента [3], что делает институт договора счета эскроу, действительно, уникальным способом обеспечения исполнения обязательств не только для отечественного, но и для зарубежного законодательства.

При изучении и раскрытии правовой природы договора счета эскроу нельзя не провести аналогию с классическими способами обеспечения обязательств, закрепленными в ГК РФ. Действительно, договор счета эскроу имеет множество сходств с некоторыми из них, хотя и не имеет нормативное закрепление в соответствующей статье ГК РФ (статья 329. Способы обеспечения исполнения обязательств).

Одним из наиболее интересных для научного сравнения с договором счета эскроу классическим способом обеспечения исполнения обязательств представляется договор залога.

Согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя). В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, требование залогодержателя может быть удовлетворено путем передачи предмета залога залогодержателю (оставления у залогодержателя).

Первое, и наиболее очевидное и значимое сходство договора счета эскроу с договором залога заключается в акцессорности названных обязательств.

Сущность исследуемых институтов возможно раскрыть только принимая во внимание тот факт, что их существование в российском законодательстве обусловлено необходимостью обеспечивать исполнение иного – основного обязательства между сторонами.

Отталкиваясь от акцессорности двух схожих институтов, необходимо понять то, как именно и кем, согласно ГК РФ, исполняются такие обязательства. В данном вопросе и раскрываются отличия договора счета эскроу от договора залога.

Договор счета эскроу является трехсторонней сделкой, тогда как договор залога – двусторонней. По договору счета эскроу для обеспечения исполнения обязательства к правоотношениям между кредитором (бенефициаром) и должником (депонентом) привлекается также и третье, независимое, лицо – банк (в правоотношениях по договору счета эскроу именуемый – эскроу-агент).

Значимость третьего лица в правоотношениях важна в силу его обособленности от каждой из сторон, его независимости. Кроме того, важной составляющей также является и особенность правового статуса эскроу-агента – банк, – что способствует еще большей степени доверия между контрагентами, поскольку банковская деятельность находится на особом контроле у мегарегулятора – Центрального Банка Российской Федерации [4].

Учитывая описанные особенности эскроу-агента, наличие банка в правоотношениях по договору счету эскроу играет важную роль: как эскроу-агент банк принимает денежные средства от депонента, размещает их на отдельном специальном счете (по которому запрещается совершение операций как депонентом, так и банком, запрещается также принудительное взыскание судом или иными государственными органами), и блокирует их до момента наступления оговоренных между депонентом и бенефициаром обстоятельств (как правило, до момента исполнения бенефициаром обязанностей по основному обязательству) [7]. После наступления указанных обстоятельств бенефициар обращается к эскроу-агенту за перечислением ему соответствующих денежных средств, поскольку обязанности бенефициара перед депонентом по основному обязательству исполнены (что перед получением денежных средств также должен доказать/подтвердить эскроу-агенту бенефициар).

В правоотношениях по договору залога нет такой сложной системы обеспечения исполнения обязательств, так как договор залога является классической вариацией договора, в которой

принимают участие только две стороны – залогодатель (должник по обеспеченному залогом обязательству) и залогодержатель (кредитор по обеспеченному залогом обязательству).

Помимо количества сторон в обязательстве, различия между договором счета эскроу и договором залога выражаются в предмете, обеспечивающем исполнение обязательства.

Так, по договору счета эскроу надлежащее исполнение основного обязательства обеспечивается посредством размещения на специальном счете только денежных средств [5], в то время как по договору залога обеспечение исполнения обязательства происходит посредством передачи залогодателем залогодержателю имущества (вещи, наличные денежные средства, ценные бумаги и др.), либо имущественных прав. Важно отметить, что перечень возможного заложенного имущества не является закрытым, то есть строго законодателем не ограничен, что значительно упрощает процесс заключения договора залога.

Кроме описанных, представляется важным отличием двух рассматриваемых договоров также и характер меры применения способов обеспечения исполнения обязательств, проявляющийся при анализе ситуаций, при которых задействуются механизмы реализации каждого из рассматриваемых договоров.

Так, договор счета эскроу реализуется в случаях, когда обязанности по основному обязательству исполнены кредитором (бенефициаром) надлежащим образом, и он вправе требовать встречное надлежащее исполнение обязанности от должника (депонента). То есть, при таких обстоятельствах уместно говорить о том, что договор счета эскроу носит превентивный характер (является превентивной мерой), так как направлен на предупреждение нарушения обязательств кредитором [6].

В отличие от договора счета эскроу, договор залога можно охарактеризовать, как компенсационную меру, поскольку договор залога демонстрирует свою полезность только после неисполнения/ ненадлежащего исполнения основного обязательства должником: в случае неисполнения/ ненадлежащего исполнения основного обязательства должником, кредитор вправе получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на общую цель – обеспечение исполнения обязательств, договор счета эскроу и договор залога представляют собой принципиально разные правовые конструкции, каждая из которых обладает уникальными преимуществами и сферами применения.

Также важно отметить, что, хоть некоторые из способов обеспечения исполнения обязательств имеют схожие элементы, все же, каждый из них обладает свойственными только ему характеристиками, которые в свою очередь являются крайне важными для нормального функционирования гражданского оборота и для укрепления доверительных отношений между его участниками.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (послед. редакция) / СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 N 214-ФЗ (послед. редакция) / СПС КонсультантПлюс.
3. Письмо Минфина России от 21.06.2023 N 03-02-07/57566 / СПС КонсультантПлюс.
4. Письмо Банка России от 16.12.2020 N 12-4-4/5437 / СПС КонсультантПлюс.
5. Саперов С.А. Банковское право: учебник для магистров. – М.: Проспект, 2023. – 672 с.
6. Емелина Л.А., Швачко Н.А. Развитие инструментов защиты прав потребителей финансовых услуг // Банковское дело. 2023. № 1. – С. 62–64.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского Округа от 07.06.2019 Ф06-46511/2019 по делу № А65-17385/2018 / СПС КонсультантПлюс.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Шоров Инал Хасанович
студент,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар

В судебной практике присутствует разнородность подходов к оценке соразмерности применённых обороняемым средств и характера опасности посягательства, что влечёт за собой риск ошибочной квалификации и судебных ошибок. Отсутствие единых чётких критериев соразмерности создаёт предпосылки для злоупотреблений и несправедливых выводов судов при рассмотрении дел по ч. 1 ст. 108 УК РФ [1, 4].

Целью статьи является рассмотрение особенностей квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.

Институт необходимой обороны в уголовном праве представляет собой право каждого лица защищать жизнь, здоровье, свободу и иные охраняемые законом блага при наличии общественно опасного посягательства и выступает обстоятельством, исключающим преступность деяния[5]. Правовая природа необходимой обороны основывается на конституционно-правовом основании, выраженном в статье 45 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому право на защиту своих прав и свобод всеми не запрещёнными законом способами [6]. Часть 1 статьи 37 УК РФ [5] устанавливает, что действия обороняющегося правомерны при наличии посягательства общественно опасного характера, при непосредственной связи между посягательством и оборонительными действиями, а также при отсутствии явного несоответствия применяемых средств защиты характеру и степени опасности посягательства [2, 3].

Идеологической основой института необходимой обороны является принцип соразмерности применяемых мер защиты. В системе уголовного права необходимая оборона выполняет две ключевые функции: сдерживающую, обеспечивая устрашение потенциальных преступников реальной возможностью адекватного отпора, и гарантийную, охраняющую обороняющегося от необоснованного преследования. Отличие необходимой обороны от института крайней необходимости состоит в том, что последняя ориентирована на защиту общественных интересов, тогда как необходимая оборона направлена преимущественно на охрану индивидуальных прав и безопасности лица [3].

Правильная квалификация убийства, совершённого при превышении пределов необходимой обороны, требует комплексного учёта объективных и субъективных признаков деяния, а также строгого разграничения данного состава преступления от близких по своей природе правонарушений.

Объективная сторона преступления проявляется через явное несоответствие применённых средств защиты характеру и степени опасности посягательства. Именно такое нарушение баланса позволяет квалифицировать деяние по части 1 статьи 108 УК РФ [5].

При оценке масштабов и «явности» несоответствия суды учитывают совокупность конкретных обстоятельств дела. К числу основных факторов относятся количество и соотношение участников конфликта, их возрастно-физические характеристики, наличие у нападающего оружия, а также место, время и обстановка происшествия. Только всесторонний анализ этих параметров обеспечивает объективную оценку соразмерности защиты.

Субъективная сторона преступления характеризуется исключительно умышленной формой вины – прямым или косвенным. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны наступает только при наличии намерения причинить тяжкий вред или смерть нападающему. Противопоставляя умышленное деяние непредумышленным действиям, совершённым в состоянии аффекта, Винник С.В. подчёркивает, что именно волевой компонент отличает рассматриваемый состав преступления [7].

Вместе с тем состояние физиологического аффекта, вызванного внезапным нападением, может исключать уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны, если при защите отсутствует возможность объективно оценить степень угрозы. Тропин Д.Н. называет такую реакцию «вынужденной» агрессией, когда эмоциональное перенапряжение препятствует выбору соразмерных средств защиты [8].

Важным элементом квалификации выступает разграничение убийства при превышении пределов обороны от других составов. Во-первых, в отличие от убийства в состоянии аффекта, здесь цель обороняющегося заключается не в эмоциональной расплате, а в пресечении посягательства, причём умысел направлен на нанесение вреда, явно превосходящего пределы необходимой защиты. Во-вторых, действия по превышению пределов обороны не следует смешивать с незаконным задержанием: согласно статье 222 УК РФ, задержание преступника имеет иные правовые цели – связывание и доставление нарушителя, а не отражение посягательства [5].

Как можно заметить, квалификация убийства при превышении пределов необходимой обороны сопряжена с комплексом методологических и практических трудностей, обусловленных неоднозначностью критериев оценки как объективных, так и субъективных признаков правомерности обороны, а также разнородной судебной практикой.

Во-первых, отсутствие в Уголовном кодексе РФ чётко установленных параметров «соразмерности» средств защиты и способа нападения нередко приводит к формальному сопоставлению этих показателей без учёта совокупности обстоятельств дела. При этом суды зачастую не принимают во внимание численность и физические характеристики участников конфликта, характер обстановки и другие существенные факторы, что создаёт предпосылки для произвольных решений и недобровесной квалификации [4].

Во-вторых, оценка состояния аффекта при внезапном посягательстве остаётся слишком субъективной: психофизиологические реакции обороняющегося, вызванные неожиданностью угрозы, нередко не получают надлежащего подтверждения экспертными заключениями, вследствие чего действие в состоянии шока квалифицируется как умышленное [1, 2].

В-третьих, разноголосица судебных трактовок по аналогичным фактам в судах первой и апелляционной инстанций свидетельствует о необходимости дальнейшей кодификации и унификации практики. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 2012 г., сохраняются существенные пробелы, не позволяющие устранить противоречия в правоприменении [9].

В-четвёртых, суды недостаточно учитывают экстремальный характер конкретной ситуации и затруднения, обороняющегося в объективной оценке угрозы. Параметры места (открытая местность либо закрытое помещение), времени суток, наличия свидетелей, а также вооружённости нападающего в совокупности могут существенно влиять на восприятие опасности и разумность ответных действий.

Наконец, судебно-медицинская и психологическая экспертизы, которые способны достоверно установить степень аффекта и оценить возможность адекватного восприятия ситуации защитником, в ряде дел отсутствуют либо носят фрагментарный характер. Это создаёт доказательные трудности и повышает риск некорректной квалификации события [8].

Проведённое исследование подтвердило, что при квалификации убийства, совершённого при превышении пределов необходимой обороны, критически важно учитывать как объективные, так и субъективные признаки, а также специфику обстановки конфликта. Во-первых, анализ действующего законодательства и разъяснений, подготовленных Пленумом Верховного суда РФ, выявил отсутствие конкретизации критерия «явного несоответствия» средств защиты характеру и опасности посягательства. Во-вторых, судебная практика демонстрирует непоследовательную оценку состояния аффекта и его влияния на способность обороняющегося объективно оценить угрозу.

Совершенствование законодательства и практики должно быть направлено на разработку унифицированных критериев соразмерности, жёсткие требования к экспертному обоснованию психофизиологического состояния обороняющегося, а также формализацию учёта всех релевантных обстоятельств дела.

Список литературы:

1. Пермякова Т.В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны //apni. ru Редакционная коллегия. – 2022. – С. 46.
2. Попов А.Н. О понятии" превышение пределов необходимой обороны" //КриминалистЪ. – 2015. – №. 1 (16). – С. 3-6.
3. Соболь Я.А., Дедковский А.А. Проблемы квалификации убийства при превышении необходимой обороны. – 2019. – С. 73-76.
4. Джаббарова, Э.Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) / Э.Ф. Джаббарова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 80-83.
5. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст.2954.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
7. Винник С.В. О некоторых вопросах квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны //Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – №. 12. – С. 70-76.
8. Тропин Д.Н. О некоторых вопросах применения необходимой обороны //Молодой ученый. – 2016. – №. 21. – С. 671-675.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Шурганова Милена Романовна
студент Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь

Щербалёв Андрей Андреевич
научный руководитель,
ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь

В последние десятилетия наблюдается стремительное развитие технологий, оказывающих значительное влияние на различные сферы человеческой деятельности, включая криминалистику. Современные криминалистические исследования, основанные на передовых научных достижениях, открывают новые горизонты для раскрытия преступлений и обеспечения правосудия. Технологии, такие как генетическая экспертиза, цифровая криминалистика и анализ больших данных, становятся неотъемлемой частью работы правоохранительных органов и судебных экспертов. Эти инновации позволяют не только повысить точность и скорость расследований, но и значительно расширить возможности для идентификации подозреваемых и восстановления картины преступления.

Однако с внедрением новых технологий возникают и серьезные вызовы. Этические вопросы, связанные с использованием генетической информации, а также риски нарушения конфиденциальности данных становятся предметом активных дискуссий среди ученых, юристов и общественности. Необходимость соблюдения прав человека в процессе применения криминалистических технологий требует тщательного анализа и разработки четких регуляторных норм. Кроме того, существует риск возникновения ложных срабатываний или интерпретаций данных, что может привести к ошибочным обвинениям и судебным ошибкам.

Таким образом, современная криминалистика находится на пересечении возможностей и рисков. Важно не только осознавать потенциал новых технологий для повышения эффективности расследований, но и учитывать возможные негативные последствия их применения. В данной статье мы рассмотрим ключевые современные технологии криминалистических исследований, проанализируем их преимущества и недостатки, а также предложим рекомендации по минимизации рисков при их использовании. Целью моего исследования является создание комплексного подхода к внедрению инновационных решений в практику криминалистики с учетом этических норм и правовых аспектов.

Современные технологии в криминалистике представляют собой важный инструмент, значительно повышающий эффективность расследований. Одной из самых значительных инноваций является генетическая экспертиза, которая позволяет идентифицировать личности по образцам ДНК. Этот метод значительно увеличивает точность расследований, так как генетические анализы могут быть проведены на различных биологических материалах, таких как кровь, волосы, слюна и даже на следах, оставленных на месте преступления. Благодаря этому правоохранительные органы могут установить связь между подозреваемым и местом преступления или жертвой.

С развитием информационных технологий также увеличивается количество преступлений, связанных с киберпространством. В этом контексте цифровая криминалистика становится ключевым направлением, занимающимся исследованием электронных устройств и данных для выявления улик. Это включает в себя анализ компьютеров, мобильных телефонов и облачных хранилищ. Специалисты в этой области могут восстановить удаленные файлы, проанализировать историю браузера и даже извлечь данные из зашифрованных источников.

Еще одним важным инструментом в криминалистике является анализ больших данных (Big Data). С помощью алгоритмов машинного обучения и статистических методов можно обрабатывать огромные объемы информации для выявления закономерностей и аномалий. Это не только позволяет предсказывать возможные преступления, но и оптимизировать работу правоохранительных органов.

Кроме того, технологии виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR) начинают активно использоваться для реконструкции мест преступлений. С помощью VR можно создать трехмерные модели сцен преступлений, что помогает следователям лучше понять обстоятельства дела и представить его в суде. AR может быть использована для наложения цифровых данных на реальные объекты во время расследования, что также способствует более глубокому анализу ситуации.

Таким образом, современные технологии в криминалистике открывают новые горизонты для повышения эффективности расследований и обеспечения правосудия.

Распознавание лиц стало одной из наиболее распространенных технологий искусственного интеллекта в области криминалистики. Эта технология позволяет идентифицировать человека по его уникальным чертам лица и активно используется в борьбе с преступностью, терроризмом и киберпреступлениями. Например, в Москве камеры видеонаблюдения, оснащенные функцией распознавания лиц, помогают выявлять преступников и предотвращать потенциальные угрозы на массовых мероприятиях.

История распознавания лиц восходит к 1960-м годам, когда Вуди Бледсо, Хелен Чан Вулф и Чарльз Биско начали разработку первых алгоритмов для автоматической идентификации лиц. С дальнейшим развитием технологий, таких как нейронные сети, распознавание лиц стало более точным, а появление в 2015 году алгоритма FaceNet стало ключевым этапом в его эволюции. Однако, помимо распознавания лиц, ИИ также оказал огромное влияние на обработку и других видов данных, таких как видео- и аудиозаписи.

Эти достижения дополнили ИИ-решения, используемые для анализа аудиозаписей. Например, системы автоматического распознавания речи позволяют не только быстрее находить ключевые моменты в разговорах, но и связывать их с преступной деятельностью, что значительно ускоряет процесс расследования. Помимо видео- и аудиоанализа, ИИ также играет важную роль в обеспечении кибербезопасности и защите данных.

Одним из наиболее многообещающих направлений использования искусственного интеллекта в криминалистике является предсказательная аналитика, особенно в контексте концепции «умных городов». Мегаполисы, оборудованные датчиками и камерами, применяют ИИ для обработки больших объемов данных с целью прогнозирования преступлений. Уже сейчас такие системы способствуют предотвращению инцидентов, основываясь на анализе поведения людей в нескольких крупных городах мира.

Несмотря на все преимущества, использование современных технологий в криминалистике связано с рядом рисков, которые требуют внимательного рассмотрения. Во-первых, этические вопросы становятся важной темой обсуждения. Применение генетической информации вызывает серьезные опасения относительно конфиденциальности личных данных. Сбор и хранение таких данных могут привести к их несанкционированному использованию или утечкам, что ставит под угрозу права человека. Ученые и юристы активно обсуждают необходимость создания четких норм и правил, регулирующих использование генетической информации, чтобы защитить индивидуальные права и свободы.

Во-вторых, технологии не застрахованы от ошибок, что может иметь серьезные последствия. Ложные срабатывания систем распознавания лиц или других аналитических инструментов могут привести к ошибочным обвинениям или судебным ошибкам. Это не только подрывает доверие к правоохранительным органам, но и может разрушить жизни невиновных людей. Поэтому важно постоянно совершенствовать алгоритмы и проводить тщательную проверку результатов, чтобы минимизировать вероятность таких ошибок.

В-третьих, увеличение зависимости от высоких технологий может негативно сказаться на уровне критического мышления у следователей. Если правоохранительные органы полагаются исключительно на автоматизированные системы для принятия решений, это может привести к снижению аналитических навыков и интуиции у специалистов. Важно сохранять баланс между использованием технологий и традиционными методами расследования, чтобы обеспечить комплексный подход к решению преступлений.

Наконец, с ростом использования цифровых технологий возрастает риск кибератак на базы данных правоохранительных органов. Хакеры могут попытаться получить доступ к конфиденциальной информации или манипулировать данными, что ставит под угрозу безопасность всей системы правопорядка. Поэтому необходимо инвестировать в кибербезопасность и разрабатывать стратегии защиты данных для предотвращения подобных угроз.

Таким образом, хотя современные технологии в криминалистике предлагают множество преимуществ, их применение также связано с серьезными рисками, которые требуют внимательного анализа и разработки соответствующих мер по их минимизации. Использование искусственного интеллекта в цифровой криминалистике кардинально изменило подходы к работе с цифровыми данными, сделав процессы более быстрыми и точными. Благодаря таким технологиям, как распознавание лиц, анализ видео- и аудиозаписей, предсказательная аналитика и кибербезопасность, ИИ предоставляет правоохранительным органам новые мощные инструменты для борьбы с преступностью и предотвращения угроз. Практика применения ИИ подтверждает, что его роль в цифровой криминалистике продолжает расти, делая будущее не только технологичным, но и более безопасным.

Список литературы:

1. Баранов А.В. Криминалистика и современные информационные технологии / А.В. Баранов. – Москва: Юрайт, 2018. – 256 с.
2. Иванов П.А., Смирнова Е.В. Новейшие методы криминалистической экспертизы в цифровую эпоху // Журнал криминалистики. – 2020. – № 12 (3). – С. 45–58.
3. Михайлов С.В., Федорова Н.А. Инновационные методы в криминалистике: перспективы и вызовы // В сборнике: Современные направления развития криминалистики / ред.: [редакционная коллегия].– Москва : Академический проект, 2017. – С. 89–105.
4. Михайлов А.В., Федорова Н.А. Анализ угроз при внедрении автоматизированных систем в криминалистическую практику // Российский журнал криминалистики, 2022, № 17 (1), с. 78–92.
5. Фролов И.П., Кузьмина Е.А. Методы анализа больших данных в расследовании преступлений // Криминалистика и право, 2019, № 13 (4), с. 55–70.

РУБРИКА

«ХИМИЯ»

СОСТОЯНИЕ КАТАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шабуров Вильдан Ильясович
студент,
Казанский национальный исследовательский технологический университет,
РФ, г. Казань

Зиннурова Ольга Васильевна
научный руководитель,
Казанский национальный исследовательский технологический университет,
РФ, г. Казань

Аннотация. В данной статье рассматривается текущее состояние и перспективы развития каталитических процессов в России. Особое внимание уделено ключевым направлениям научных исследований, промышленным применениям катализаторов, а также вызовам, стоящим перед отечественной наукой и промышленностью в этой области. Проведен анализ наиболее значимых достижений российских ученых и технологических разработок, а также их вклада в мировую каталитическую науку.

Ключевые слова: состояние, каталитические процессы, современная Россия.

Введение

Катализ играет ключевую роль в современной химической промышленности, энергетике и экологии. В России каталитические процессы традиционно являются одной из приоритетных областей исследований, что связано с их высокой значимостью для нефтепереработки, нефтехимии, синтеза полимеров и защиты окружающей среды. Несмотря на экономические и технологические вызовы, российские ученые и предприятия продолжают развивать новые каталитические технологии, адаптируясь к глобальным трендам.

Основные направления исследований и промышленного применения

Нефтепереработка и нефтехимия

Каталитические процессы, такие как крекинг, гидроочистка, риформинг и алкилирование, остаются основой российской нефтеперерабатывающей промышленности. В последние годы активно развиваются технологии каталитического пиролиза и глубокой переработки тяжелых нефтяных фракций. Ключевыми игроками в этой области являются компании «Газпром нефть», «Роснефть» и «Лукойл», которые сотрудничают с научными центрами, такими как Институт катализа им. **Г.К. Борескова** СО РАН.

Синтез химических продуктов и полимеров

Российские исследователи добились значительных успехов в разработке катализаторов для синтеза аммиака, метанола, олефинов и других важных химических соединений. Особое внимание уделяется экологически безопасным процессам, например, каталитическому окислению с использованием цеолитных и металлоорганических катализаторов.

Экологические приложения

В условиях ужесточения экологических норм возрастает роль каталитических методов очистки выбросов. В России разрабатываются катализаторы для нейтрализации выхлопных газов автомобилей (совместные проекты с «КАМАЗом» и «АвтоВАЗом»), а также для переработки промышленных отходов.

Вызовы и перспективы

Несмотря на достижения, российская каталитическая наука и промышленность сталкиваются с рядом проблем:

Зависимость от импортного оборудования и некоторых видов катализаторов.

Недостаточное финансирование фундаментальных исследований.

Необходимость интеграции в международные научные проекты.

Перспективными направлениями развития являются:

Разработка наноразмерных и гибридных катализаторов.

Внедрение цифровых технологий для моделирования и оптимизации каталитических процессов.

Углубление сотрудничества между академическими институтами и промышленными предприятиями.

Заключение

Каталитические процессы в России продолжают развиваться, несмотря на существующие вызовы. Сохранение научного потенциала и внедрение инновационных технологий позволят укрепить позиции страны в этой важнейшей области. Дальнейший прогресс требует усиления государственной поддержки, международной кооперации и ориентации на устойчивое развитие.

Список литературы:

1. Пармон В.Н. Современные проблемы катализа в России // Катализ в промышленности. – 2020. – № 3. – С. 12-25.
2. Бухтияров В.И., Снытников В.А. Наноразмерные катализаторы: синтез и применение в нефтехимии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. – 320 с.
3. Институт катализа им. Г.К. Борескова. Годовой отчет за 2022 год. – Новосибирск, 2023. – URL: www.catalysis.ru

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«PEDAGOGY»

LEARNER ATTITUDES TOWARD USING TIKTOK FOR VOCABULARY ACQUISITION: A REVIEW OF EMPIRICAL STUDIES

Karimova Aziza
Student,
Astana International University,
Kazakhstan, Astana

ОТНОШЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ TIKTOK ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ: ОБЗОР ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Каримова Азиза
студент,
Международный университет Астана,
Казахстан, г. Астана

Аннотация. В данной статье рассматриваются эмпирические исследования, посвященные отношениям учащихся к использованию TikTok как инструмента для изучения английской лексики. Анализируются мотивационные аспекты, стратегии запоминания слов и особенности неформального обучения, а также рассматриваются мнения преподавателей и возможные трудности при интеграции платформы в учебный процесс. Особое внимание уделяется практическим рекомендациям по использованию TikTok в преподавании английского как иностранного языка.

Abstract. This article reviews recent empirical studies on learner attitudes toward using TikTok as a tool for vocabulary acquisition. It highlights students' motivation, informal learning behaviors, and vocabulary retention strategies associated with the platform. The paper also discusses educator perspectives, instructional concerns, and practical implications for integrating TikTok in EFL settings.

Ключевые слова: TikTok; овладение лексикой; отношение учащихся; неформальное обучение; мотивация; цифровые инструменты.

Keywords: TikTok; vocabulary acquisition; learner attitudes; informal learning; motivation; digital tools.

Introduction

In recent years, short-form video platforms have emerged as informal learning environments, offering new opportunities for vocabulary development among foreign language learners. Among these, TikTok has become particularly influential due to its algorithm-driven personalization, multimodal format, and popularity among youth. While initially designed for entertainment, the platform has been increasingly repurposed by students and educators as a tool for language acquisition. Vocabulary – the foundation of communicative competence–is particularly suited to the informal, repetitive, and emotionally engaging format of TikTok videos.

Numerous empirical studies conducted in diverse educational contexts suggest that students hold largely positive attitudes toward using TikTok for vocabulary acquisition. These attitudes include high levels of motivation, a sense of authenticity, and a perception that vocabulary learned via the platform is more memorable and personally relevant than that acquired through traditional methods. In contrast to textbooks or classroom drills, TikTok provides visually rich, often humorous content in real-life contexts, supporting incidental and interest-driven vocabulary learning.

This article reviews the findings of several international studies that focus specifically on learner attitudes toward TikTok as a vocabulary learning tool. The review highlights the motivational appeal of the platform, its influence on learner confidence, and the recurring limitations noted by both students and educators. By synthesizing these findings, the article aims to provide a theoretical and empirical basis for understanding how learner perceptions shape the educational potential of TikTok in foreign language instruction.

1. Motivation and Emotional Engagement

A recurring theme across multiple studies is that TikTok motivates learners through emotionally engaging and personally relevant content. Unlike traditional learning platforms, TikTok leverages humor, storytelling, and visual effects to capture student attention. Cahyono and Perdhani found that learners appreciated TikTok's informal and relaxed atmosphere, which allowed them to experiment with English vocabulary without fear of making mistakes [2]. Similarly, Fitriani and Masykuroh reported that students viewed TikTok as part of their daily routine and were more inclined to absorb vocabulary incidentally through trends, challenges, and influencer content [3].

Learners frequently described the platform as enjoyable and unintimidating, which reduced their anxiety and created a sense of autonomy in their learning process. Julianti's research further confirmed that students became more confident using vocabulary when they were preparing content for a wider audience, such as posting a video or participating in class challenges [1]. In these cases, students were not only exposed to vocabulary but were also required to practice and personalize it in performance-based tasks–making the learning more memorable and emotionally resonant.

2. Informal Learning and Vocabulary Retention

Learners often engage with TikTok outside of formal learning settings, using it as an informal source of language exposure. Studies show that students acquire vocabulary incidentally–without deliberate study–by repeatedly encountering words in entertaining, relatable contexts. For example, Pratiwi and Syafrizal found that learners benefited from visual and audio support, which helped them retain idiomatic expressions and everyday language [5].

Fitriani and Masykuroh also reported that students used the app reflexively in their daily lives and became more aware of recurring patterns in English, which they began to recognize and recall over time [3]. According to Almas, students who engaged with content related to their interests–such as cooking, gaming, or beauty–were more likely to remember vocabulary because it was emotionally and personally relevant [4].

Another important insight is that learners appreciated the ability to learn at their own pace. TikTok allows for rewatching and selective engagement, which many students used to reinforce their understanding. Even when learning was unintentional, the visual context of videos, gestures, subtitles, and voiceovers worked together to support comprehension and memory.

3. Self-Regulated Learning and Autonomy

Beyond motivation and memory, learner attitudes toward TikTok often reflect a growing sense of autonomy. Unlike in traditional classrooms, TikTok allows students to decide what, when, and how they engage with language. Fitriani and Masykuroh observed that many students searched for word meanings on their own, looked up subtitles, or repeated videos to solidify their understanding [3].

However, this autonomy can also be a double-edged sword. Pratiwi and Syafrizal noted that while students appreciated the freedom TikTok offered, many admitted to being easily distracted by

unrelated content [5]. Despite these limitations, the overall learner perception remains optimistic: students generally trust their ability to extract useful language from the content they enjoy.

4. Educator Perspectives and Pedagogical Concerns

While learner attitudes toward TikTok are generally positive, educator perspectives reveal a more cautious approach. Teachers often acknowledge the motivational and linguistic benefits of the platform but raise concerns about content control, academic appropriateness, and instructional alignment. Thorvik's research showed that while students viewed TikTok as dynamic and engaging, teachers worried about the informal nature of the content, screen time issues, and the lack of measurable learning outcomes [6].

In Arifin's review, many educators agreed that TikTok has potential as a supplementary tool, but they emphasized the need for clear lesson objectives and content moderation [7]. Teachers suggested that without guidance, students may internalize informal vocabulary that is unsuitable for academic tasks.

Interestingly, teacher attitudes varied depending on their own digital fluency. As Thorvik noted, educators who had prior experience using social media or mobile-assisted tools were more likely to experiment with TikTok-based assignments, while others remained hesitant [6].

5. Balanced Reflections on TikTok's Educational Role

The reviewed studies make it clear that TikTok is not a one-size-fits-all educational tool. While its visual, personalized, and emotionally engaging content fosters motivation and informal learning, its unstructured nature also creates significant instructional challenges. Learners enjoy the autonomy and relevance TikTok offers, but without teacher support or curated activities, they may struggle to transfer vocabulary into academic contexts or retain it for long-term use.

Several studies emphasized the success of project-based tasks involving video creation, where students had to perform, script, or apply target vocabulary [1][3]. These performance-based learning models appeared to improve both retention and confidence.

6. Conclusion and Practical Implications

The literature reviewed in this article presents a nuanced picture of learner attitudes toward using TikTok for vocabulary acquisition. Students consistently describe the platform as enjoyable, motivating, and helpful for remembering vocabulary–especially when content is emotional and personalized. However, educators express valid concerns about its lack of structure and academic oversight.

In practical terms, TikTok may be best used as a complementary learning tool, especially when integrated into reflective tasks like vocabulary journals, guided discussions, or student-created video projects. Teachers can enhance its impact by curating content and aligning it with clear instructional goals.

TikTok offers significant potential to enrich vocabulary learning in EFL contexts, provided that its implementation is intentional, guided, and accompanied by thoughtful pedagogical support.

References:

1. Julianti R. Exploring the implementation of TikTok video project on students' speaking performance // VERBA: Journal of English Language Issues, Trends and Studies. – 2023. – Т. 1. – №. 3. – С. 1–9.
2. Cahyono A.O. M., Perdhani W.C. Using TikTok in EFL class: Students' perceptions // Journal of English Education and Teaching. – 2023. – Т. 7. – №. 1. – С. 59–77.
3. Fitriani M.K., Masykuroh Q. Exploring EFL students' perception on the use of TikTok in vocabulary learning beyond the classroom // Proceeding ISETH. – 2023. – С. 471–475.
4. Almas B. Students' experiences in learning English vocabulary through TikTok application: A narrative research : дис. – UIN KH Abdurrahman Wahid Pekalongan, 2024.

5. Pratiwi I., Syafrizal S. Students' views on the utilization of the TikTok application to enhance their vocabulary // Indonesian Journal of Teaching and Teacher Education. – 2024. – С. 7–12.
6. Thorvik E.G. Is TikTok a new way to support language learning : дис. – NTNU, 2023
7. Arifin F. Beyond TikTok: Optimizing social media platform for English learning purpose // ELT Echo. – 2022. – Т. 7. – №. 1. – С. 25–34.
8. Roshdi N.I. A., Rahmat N.H. How does TikTok influence the acquisition of form and meaning in language use // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2023. – Т. 13. – №. 4. – С. 1435–1450.
9. Saputri K. et al. The exploration of TikTok app to teaching speaking at the eleventh grade students // ENGLISH FRANCA. – 2024. – Т. 8. – №. 2. – С. 319–332.

RUBRIC

«TECHNICAL SCIENCES»

ENHANCING OIL PUMPING STATION EFFICIENCY THROUGH MODERNIZATION OF NM 3600/230 UNITS

Adil Zhunosov
Master's student of Non-profit joint-stock company
Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Dyussova Rizagul Muslimovna
Candidate of Technical Sciences,
Non-profit joint-stock company Toraighyrov University
Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Abstract. This article presents the results of the technical and economic analysis of the modernization of NM 3600/230 mainline pumping units at Pumping Station No.1 of the B. Dzhumagaliev Main Oil Pumping Station (MNPS). The proposed modernization involves replacing outdated synchronous electric drive systems with energy-efficient asynchronous motors and integrating automated control systems. The study demonstrates significant improvements in reliability, energy consumption, and maintenance costs, confirming the feasibility of the modernization project for application across similar facilities in the oil transportation industry.

Keywords: increase, efficiency, oil refinery.

Introduction

Reliable and energy-efficient operation of pumping equipment is crucial in long-distance oil pipeline infrastructure. The NM 3600/230 units at Pumping Station No.1 of the B. Dzhumagaliev MNPS have been in service for decades, and operational analysis revealed reduced efficiency, frequent failures, and high energy demands due to aging synchronous motors and supporting systems. This study focuses on assessing the current equipment's condition and justifying the transition to modern, cost-effective pumping solutions.

Figure 1. Pumping Station No.1 of the B. Dzhumagaliev

2. Object and Methods of Research

The object of the study is the NM 3600/230 mainline centrifugal pump equipped with a 2500 kW synchronous electric motor (STDП-2500), installed at the B. Dzhumagaliev MNPS. The modernization strategy includes replacement with the NM 1250/260 pump driven by an asynchronous 1250 kW motor (4AZMV 1250/1000 U2.5), installation of frequency converters, and elimination of auxiliary systems (cooling, excitation, etc.). Analysis was based on technical diagnostics, economic comparison of lifecycle costs, and energy audit results.

3. Results and Discussion

3.1 Technical Improvements

The replacement resulted in a simplified and more reliable configuration. The new asynchronous motors operate effectively with frequency converters, allowing flexible speed control and significant reduction in energy consumption. The total mass of the new unit is significantly lower (8040 kg vs. 15,730 kg), reducing load on foundations.

3.2 Automation and Control

The upgraded unit is integrated into an automated control and monitoring system using S800 I/O stations and Profibus DP communication. This enables real-time data acquisition, remote diagnostics, and enhanced operational safety.

3.3 Economic Benefits

The modernization led to the elimination of auxiliary systems such as excitation devices (CRVD), forced ventilation, and oil cooling, resulting in considerable cost savings:

- Annual energy savings: over 5 million KZT per station.
- Reduction in maintenance labor costs: up to 384 person-hours annually per station.
- CRVD maintenance cost savings: 17.1 million KZT annually across 8 replaced motors.

Additionally, five incidents linked to the old synchronous systems were avoided after the upgrade, improving operational reliability.

4. Conclusion

The modernization of NM 3600/230 pumping units with the implementation of NM 1250/260 units powered by asynchronous motors demonstrated measurable benefits. These include:

- Enhanced energy efficiency and reduced power demand;
- Simplified maintenance and increased operational uptime;
- High adaptability to automated control and monitoring systems.

The proposed approach is technically and economically justified and can be replicated at similar facilities within the oil pipeline infrastructure of Kazakhstan and beyond.

References:

1. Algorithm for Estimation of Electricity Consumption Reduction by Using Variable Frequency Drive of Main Line Pumps. [Online] https://www.google.com/search?q=Algorithm+for+Estimation+of+Electricity+Consumption+Reduction
2. V.V. Ling, L.N. Lisienkova et al. Automation of the Production Process of the Cluster Pumping Station. (2019).
3. Chernov V.O. Modeling of Automated Pumping Units at Oil Pumping Stations. (2022).
4. Pumps & Systems. Pumping Technology Cuts Costs in Pipelines Handling High Viscosity Oil. [Online] https://www.pumpsandsystems.com/pumping-technology
5. Kaniuk G.I. et al. Energy Efficient Control of Oil Pumping Station Groups. Problems of Regional Energetics, 2021 (4), pp.13–22.
6. Sagdatullin A.M. Automation and Control of Sucker-Rod Pumps. Chemical and Petroleum Engineering, 2016 (52).

7. ScienceDaily. Increasing Oil Flow in Keystone Pipeline with Electric Fields. [Online] https://www.sciencedaily.com/releases/2015/02/150227112751.htm
8. ST RK 6636-1901-AO-039-1.005-2017. Technical Maintenance of Electrical Installations in Oil Pipelines.

RUBRIC

«PHILOLOGY»

METHODS OF LESSON DIFFERENTIATION IN SECONDARY SCHOOL

Danenova Malika
Student,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Yelena Ivanova
Scientific adviser,
Master of Pedagogical Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Aigul Kinzhibaeva
Scientific adviser,
Master of Pedagogical Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Abstract. Lesson differentiation in secondary school is a crucial pedagogical approach aimed at meeting the diverse needs, abilities, and learning styles of students. This article explores key aspects of differentiation, including content, process, product, and learning environment. Implementing these methods enhances student engagement, fosters critical thinking, and supports academic success. Technology, project-based learning, and adaptive strategies help create an inclusive educational environment where every learner receives optimal learning conditions.

Keywords: lesson differentiation, individualized approach, adaptive learning, secondary school, learning environment, innovative methods, project-based learning.

In contemporary secondary education, lesson differentiation is a crucial pedagogical approach aimed at addressing the diverse needs, abilities, and learning styles of students. Differentiation ensures that each learner receives an appropriate level of challenge and support, promoting engagement, motivation, and academic success.

Student learning improves when teachers use differentiation to meet the needs of all learners. Researcher and professor, Carol Ann Tomlinson, describes differentiation in teaching as how teachers consider students' needs while planning and delivering instruction [1].

Content Differentiation Content differentiation involves varying what students learn based on their readiness, interests, and learning profiles. Teachers can use tiered assignments that present the same core concepts but at different levels of difficulty. Another approach is densification, where students who demonstrate mastery of a topic engage in enrichment activities instead of repeating known material. Additionally, using flexible grouping strategies allows students to work on tasks that match their abilities while maintaining opportunities for collaboration with peers. Furthermore, learning contracts can be used to provide students with the autonomy to choose tasks that match their strengths and interests while ensuring that they meet core learning goals.

Assessment plays a critical role in content differentiation because ongoing formative assessments help educators determine student progress and adjust instruction accordingly. By integrating

these strategies, teachers create a dynamic learning environment that fosters engagement, challenges all students, and promotes academic growth [2].

Process Differentiation. Process differentiation refers to changing the ways in which students interact with material. Educators can incorporate several instructional strategies, such as direct instruction, inquiry-based learning, and cooperative learning. Giving students choices in how they process information, such as through visual, auditory, or kinesthetic activities, enables greater comprehension. Support, including guided practice and peer mentoring, helps students progress at their own pace while developing key skills.

Another effective approach to process differentiation is to use learning stations, where students take turns completing different activities tailored to different learning styles and abilities. This method allows them to engage with content in a variety of ways, such as through hands-on experiments, discussions, or independent investigations. Additionally, technology can support differentiated processes through interactive simulations, adaptive learning platforms, and multimedia presentations. These digital tools allow students to explore concepts at their own pace and receive personalized feedback [3].

Regular formative assessments such as exit tickets, reflection journals, and self-assessments help educators monitor student progress and adjust teaching methods accordingly. By incorporating a variety of learning experiences and supports, differentiation encourages deeper understanding and active engagement in the learning process. Differentiating lessons in middle school is essential to creating an inclusive and effective learning environment. By varying the content, process, product, and environment of learning, educators can meet the diverse needs of students and optimize their learning experiences. Implementing these strategies not only improves academic performance, but also builds students' confidence, engagement, and lifelong learning skills.

References:

1. Allen R., Burgess S., Key T. (2010) Choosing secondary school by moving house: school quality and the formation of neighbourhoods, Working Paper 10/238, CMPO.
2. Benavot A., Amadio M. (2004) A global study of intended instructional time and official school curricula, 1980-2000. Background paper commissioned by the International Bureau of Education for the UNESCO-EFA Global Monitoring Report (2005): The Quality Imperative. Geneva: IBE.
3. Bernardi F. (2012) Unequal transitions: selection bias and the compensatory effect of social background in educational careers. Research in Social Stratification and Mobility, 30 (2):159-174.

UTILIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Yekaterina Kornilova
Student,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Ivanova Yelena
Scientific adviser,
Master of Pedagogical Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Abstract. This article explores the application of Artificial Intelligence (AI) technologies in English Language Teaching (ELT), based on the theoretical and practical findings of a final-year diploma study. The study analyzes key AI-based platforms currently used in language education, such as Duolingo, Tokpol, Busuu, Rosetta Stone, and TalkPal. It also highlights the development of a Telegram bot designed to support seventh-grade students by providing grammar explanations, vocabulary, and exercises in alignment with the national curriculum. The article emphasizes the role of AI in improving engagement, autonomy, and comprehension in language learning.

Keywords: artificial intelligence, english learning, chatbot, adaptive learning, pedagogy, educational technologies

In the context of digital transformation in education, AI has become an essential tool for adapting the learning process to the needs of modern students. According to a 2022 UNICEF report, AI enhances access to quality education, supports personalization, and improves feedback speed. This is particularly relevant in English language learning, where systematic practice and repetition are key components of success.

AI is increasingly used in foreign language education to tailor exercises to individual learner levels, provide immediate feedback, and monitor progress. Programs such as Duolingo, Babbel, and Rosetta Stone illustrate how AI can support grammar and vocabulary development through interactive tasks. However, the effectiveness of such tools depends on how they are embedded into pedagogical frameworks. As V.P. Bespalko noted, technology becomes valuable only when it is integrated into a structured educational system.

Modern teaching practices embrace AI to support individualized, adaptive, and blended learning. Systems track student progress and dynamically adjust the content and complexity of assignments. This ensures that learners remain engaged while progressing at their own pace. AI also facilitates inclusivity through features like multilingual support and speech recognition.

As part of the diploma project, a Telegram bot was developed to assist seventh-grade students in mastering English grammar and vocabulary. The bot was aligned with the Excel for Kazakhstan English textbook and functioned as a digital tutor. It helped students by explaining grammar rules, suggesting translations, and providing quiz-based feedback.

Feedback collected from students in Class 7B showed that learners found the bot helpful, engaging, and accessible. Teachers noted that the tool supported independent learning and was suitable for blended use alongside traditional classroom instruction.

Artificial Intelligence presents valuable opportunities for improving English language learning. Global platforms and localized solutions, such as the Telegram bot discussed in this article, demonstrate the feasibility and effectiveness of AI in enhancing student engagement and autonomy. Future efforts should focus on integrating AI tools more broadly into curriculum design and developing teacher training to maximize their potential.

References:

1. UNICEF. Reimagining Education: 2022 Digital Report. – New York: United Nations Children's Fund, 2022. – 80 p. – Available at: https://www.unicef.org/media/142921/file/Global%20annual%20results%20report%202022:%20Goal%20area%202.pdf
2. Park J., So W. Integrating Artificial Intelligence into Science Lessons: Teachers' Experiences and Views / Sustainability. – 2023. – Vol. 15, No. 1. – Article 1. – Available at: https://stemeducationjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40594-023-00454-3
3. Bespalko V.P. Education and Training with the Participation of Computers. – Moscow: Institute of New Technologies, 2002. – 316 p. – Available at: https://staff.tiiame.uz/storage/users/445/books/lOWXGlW2IHjNyzqHQiTDtqxcYZybBPQrsqUfXQW4.pdf
4. Khutorskoy A.V. Pedagogy: A University Textbook. – St. Petersburg: Piter, 2019. – 608 p. – Available at: https://testcenter.kz/upload/books/rus/%D0 %A5 %D1 %83 %D1 %82 %D0 %BE%D1 %80 %D1 %81 %D0 %BA%D0 %BE%D0 %B9.%20 %D0 %9F%D0 %B5 %D0 %B4 %D0 %B0 %D0 %B3 %D0 %BE%D0 %B3 %D0 %B8 %D0 %BA%D0 %B0.pdf
5. Chernigovskaya T.V. Natural and Artificial Intelligence: Meanings or Structures? / Lecture at "Kultura.RF" Digital Platform. – 2024. – Available at: https://www.culture.ru/live/movies/51287/estestvennyi-i-iskusstvennyi-intellekt-smysly-ili-struktury
6. Alferyeva A.A. Artificial Intelligence in Education: Adaptive Learning / Scientific Bulletin. – 2025. – No. 1 (24). – P. 111–119. – Available at: https://vestnik-nauki.com/archiv/journal-1-82-1.pdf#page=211

USING AUTHOR'S SONGS AND MUSIC FOR DEVELOPING LANGUAGE SKILLS IN THE ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM

Tomiris Mendauletova
Student,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Yelena Ivanova
Scientific adviser,
Master of Pedagogical Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Abstract. The article explores the integration of original songwriting and music composition into English as a Foreign Language (EFL) education. It discusses how creative musical activities enhance vocabulary retention, grammatical accuracy, pronunciation skills, motivation, and cultural competence. The research highlights practical strategies, case study findings from different age groups, and provides pedagogical recommendations for educators seeking to incorporate songwriting as a transformative approach to language teaching.

Keywords: songwriting, language skills, pronunciation, creativity, motivation, English learning.

Music has long been recognized as a powerful educational tool, capable of stimulating memory, creativity, and emotional engagement. In the field of English language teaching, songwriting and musical activities offer a unique opportunity to enhance students' vocabulary acquisition, grammar usage, pronunciation, and communicative competence. This article explores the pedagogical potential of using author's songs and music in English language classrooms, analyzing the cognitive, linguistic, and motivational benefits for students of different age groups, and presenting the results of practical implementation based on case studies with fifth and eleventh-grade learners.

The use of music in language education is based on the principle that learning occurs most effectively when multiple sensory channels are engaged. Singing activates both hemispheres of the brain, improves phonological memory, and reduces language learning anxiety [1]. Author's songs–songs created by teachers or students themselves–serve as a particularly effective medium because they combine creative expression with focused linguistic practice, offering personalized, meaningful learning experiences that traditional methods often lack.

In this research, the focus was placed on developing original English-language songs with fifth and eleventh-grade students. The younger learners composed simple, narrative-driven songs based on thematic vocabulary such as seasons, animals, and friendship. Theoretical Foundations

Numerous studies highlight the benefits of integrating music into the language-learning process. According to [2], music enhances memory retention, supports syntax acquisition, and develops phonological awareness. Through songwriting, students move beyond passive reception to active language production, engaging in vocabulary selection, syntactic construction, and semantic refinement.

Moreover, Krashen's Affective Filter Hypothesis [3] suggests that reducing anxiety and increasing motivation are essential for effective language acquisition. Author's songs help lower students' affective filters by providing a fun, low-pressure environment where mistakes are viewed as natural parts of the creative process.

Songwriting also strengthens the link between emotional content and language form. When students compose lyrics about meaningful topics, they develop deeper connections to the vocabulary and grammatical structures they use, facilitating long-term internalization [4].

Practical Implementation. In the fifth-grade classroom, songwriting activities were introduced gradually:

- Vocabulary brainstorming sessions were conducted to build lexical fields.
- Students were encouraged to use rhyme, simple past tense, and thematic expressions.
- Choral singing and group performances minimized individual anxiety and fostered teamwork. Example (excerpt from student song):

"The sun is shining, the sky is blue,
I run to the garden to see the dew."

Meanwhile, eleventh-grade students approached songwriting as both an artistic and linguistic challenge:

- They analyzed professional song lyrics for style, structure, and literary techniques.
- They brainstormed abstract themes, created word banks of advanced vocabulary, and experimented with figurative language.
- Their compositions demonstrated complex grammar usage, metaphorical imagery, and emotional depth.

Spheres of Practical Application. The methodology described here can be effectively applied in: general education schools, private language schools, online language courses, teacher training workshops, after-school creative clubs.

Given the growing emphasis on student-centered, project-based learning, songwriting offers an ideal avenue for fostering language proficiency through creative, emotionally engaging, and communicatively meaningful activities.

References:

1. Mora, J.C., & De Vicente-Yagüe, M.I. (2022). The role of music in second language learning: Benefits and approaches. Language Teaching Research, 26 (1), 88–105.
2. Lake, J. (2021). Music and language learning: Integrating rhythm into classroom instruction. TESOL Quarterly, 55 (3), 710–732.
3. Krashen, S.D. (2020). The affective filter hypothesis revisited: Implications for second language acquisition. Language Learning Journal, 48 (2), 198–210.

MOBILE APPLICATIONS FOR TEACHING AND LEARNING ENGLISH VOCABULARY AT SECONDARY SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF QUIZLET AND DUOLINGO)

Almira Zhanasheva
Student,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Yelena Ivanova
Scientific adviser,
Master of Pedagogical Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Assel Bermukhambetova
Scientific adviser,
Master of Humanities Sciences,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kazakhstan, Kostanay

Abstract. In the modern era of digital education, mobile applications play a crucial role in learning, especially in foreign language acquisition. This article examines mobile applications for learning English vocabulary at secondary school, using Quizlet and Duolingo as examples. These applications enhance student motivation through interactive exercises, gamification, and personalized learning. The analysis considers factors such as accessibility, teaching methodology, and vocabulary retention effectiveness. The authors conclude that mobile applications significantly improve vocabulary memorization and active usage in an educational setting.

Keywords: mobile applications, English language learning, Quizlet, Duolingo, digital education, gamification, vocabulary learning.

In the modern era of digital education, mobile applications play a crucial role in facilitating the learning process. This is particularly evident in the field of language learning, where technology has significantly transformed traditional methods. Mobile applications for teaching and learning English vocabulary at the secondary school level provide numerous benefits, making the learning process more engaging, interactive, and effective.

One of the primary benefits of mobile applications is their accessibility. Unlike traditional textbooks, mobile apps allow students to learn anytime and anywhere, making vocabulary acquisition more flexible. This is particularly beneficial for secondary school students, who often have busy schedules and may find it difficult to allocate dedicated study time [1].

Moreover, mobile applications provide personalized learning experiences. Many apps use artificial intelligence to adapt to a student's progress, offering tailored exercises and challenges based on individual performance. This adaptive learning approach helps students focus on their weak areas and improve at their own pace.

So, we have conducted a detailed study of the most popular mobile applications for learning foreign languages (namely English)

Duolingo is a system of lessons on various topics: both lexical and grammatical. As we move forward, the program reminds us of the need to repeat the material covered earlier. The training program is divided into lessons arranged in order of complexity. Each lesson contains different types of exercises for translation, reading, writing and listening, designed to learn grammatical rules or new

vocabulary in the context of live speech. At any stage, trainings are available to consolidate the acquired knowledge.

The disadvantage of this application is the following: there are no grammatical rules (i.e. it is assumed either that you already know this rule, or that you study it with the help of other resources).

However, in practice, we have come to the conclusion that this application is suitable for high school students. There is no entry level in the sections: reading and listening. Students of grades 5-6 will not be able to complete the proposed tasks on their own.

Words is an application for learning vocabulary. All the words in the application are divided into thematic lessons, which are presented in the form of separate cards. Each lesson is designed for one day and contains up to 25 words. In total, there are more than 8,000 words in Words, divided into 330 lessons. The process of memorizing a new vocabulary consists of going through unique training sessions, during which you are invited to collect a word from letters, find its translation, choose the right picture, solve a small puzzle, and so on .

The big advantage of this application is that all exercises are performed on time, and at the end of the workout, an assessment is given [3].

Of the minuses – this application is not aimed at learning grammar and communicating with native speakers. It is suitable for those who already have a database and want to replenish their vocabulary.

So, based on the analysis, we believe that the most effective applications are Busuu, Lingualeo, Duolingo. As we can see, there are different kinds of applications. However, most of them are designed for the development of only one type of speech activity: grammar or vocabulary. And the above-mentioned mobile applications form all four aspects of the language.

Mobile applications have revolutionized the way English vocabulary is taught and learned at the secondary school level. Their accessibility, interactivity, and personalized learning capabilities make them invaluable tools in modern education. However, it is essential to address challenges such as distractions and content reliability to maximize their effectiveness. By integrating mobile applications into language learning strategies, educators can enhance students' vocabulary acquisition and overall proficiency in English.

References:

1. Abdijalilova, Z.D. (2007). formation of the discursive competence of law students in teaching writing in a foreign language. bbc 94 Z 40, (41-S), 244.
2. Ametova, O.R., & Mustafoeva, N.I. (2020). The benefits and drawbacks of online education for law students in higher educational institutions. ISJ Theoretical & Applied Science, 12 (92), 61-63.
3. Ruzibaeva, N. (2019). peculiarities of the antithesis in the literary text. European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences Vol, 7 (11).

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ МАҚАЛАЛАР

БӨЛІМ

«МЕДИЦИНА ЖӘНЕ ФАРМАКОЛОГИЯ»

НЕЙРОИНФЕКЦИЯЛАРДЫ ДИАГНОСТИКАЛАУДА МИ-ЖҰЛЫН СҰЙЫҚТЫҒЫН МИКРОБИОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУДЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ӘДІСТЕРІ

Бисембаева Нұрханым Сақытжанқызы
студенті, Астана медицина университеті,
ҚР, Астана қаласы

Әліпбекова Балым Дулатқызы
студенті, Астана медицина университеті,
ҚР, Астана қаласы

Бердіқожа Айкүн Ермекқызы
студенті, Астана медицина университеті,
ҚР, Астана қаласы

Ботбаева Мадина Тұрлыбековна
Ғылыми жетекшісі,
Микробиология және вирусология кафедрасының
аға оқытушысы,
ҚР, Астана қаласы

Кіріспе: Нейроинфекциялар – орталық жүйке жүйесін зақымдайтын қауіпті аурулар, олардың негізгі себебі бактериялар, вирустар және басқа да микроорганизмдер болып табылады. Бұл аурулар көбіне менингит, энцефалит, ми абсцесі сияқты ауыр қабыну процестерімен көрінеді және уақтылы анықталмаса, ауыр зардаптарға әкелуі мүмкін.

Диагностиканың негізгі әдістерінің бірі – ми-жұлын сұйықтығын зерттеу. Дәстүрлі тәсілдер (бактериологиялық себінді, микроскопия) әлі күнге дейін қолданыста болғанымен, олар кейде ұзақ уақыт алады немесе жеткілікті дәл нәтиже бермейді. Сондықтан соңғы жылдары ПТР, метагеномдық секвенирлеу, масс-спектрометрия сияқты заманауи молекулалық әдістер кеңінен зерттеліп, клиникалық тәжірибеге енгізілуде.

Негізгі бөлім: Нейроинфекциялар – бұл бактериялар, вирустар, саңырауқұлақтар және басқа да патогенді микроорганизмдер тудыратын орталық жүйке жүйесінің (ОЖЖ) қауіпті аурулары[1]. Олар көбінесе менингит, энцефалит, ми абсцесі және ми-жұлын сұйықтығының (МЖС) қабынуымен сипатталатын басқа да инфекциялық процестер түрінде көрінеді[2]. Бұл аурулар ауыр клиникалық көріністерімен ерекшеленіп, уақытында және дәл диагностикаланбаса, науқастарда мүгедектікке немесе өлімге әкелуі мүмкін[3].

Нейроинфекцияларды ерте анықтау мен тиімді емдеу көбінесе ми-жұлын сұйықтығының зерттелуіне негізделеді. Дәстүрлі микробиологиялық әдістер, соның ішінде бактериологиялық себінділер мен микроскопиялық талдаулар, маңызды диагностикалық құралдар болып табылады[4]. Алайда, олар кейде ұзақ уақытты қажет етеді және сезімталдығы шектеулі болуы мүмкін. Сондықтан соңғы жылдары ПТР (полимеразды тізбекті реакция), масс-спектрометрия,

метагеномдық секвенирлеу және басқа да молекулалық-генетикалық әдістер сияқты инновациялық микробиологиялық талдау әдістері кеңінен қолданылуда[5, 6].

Бұл әдеби шолу нейроинфекцияларды диагностикалауда қолданылатын ми-жұлын сұйықтығын микробиологиялық талдаудың заманауи әдістерін талдауға бағытталған. Жұмыста дәстүрлі және инновациялық диагностикалық әдістердің тиімділігі, олардың артықшылықтары мен шектеулері қарастырылады[7].

Нейроинфекцияларды диагностикалауда ми-жұлын сұйықтығы (МЖС) микробиологиялық зерттеулердің маңызды құралы болып табылады. Дәстүрлі әдістер – микроскопия, бактериологиялық себінді, серологиялық талдау – клиникалық тәжірибеде кеңінен қолданылып келеді [9]. Скрипченко Н.В. (2014, 2016, 2017) еңбектерінде балалардағы нейроинфекцияларды диагностикалаудың ерекшеліктері талқыланып, МЖС зерттеулерінің маңыздылығы көрсетілген[1].

Paola Cinque және әріптестері (2003) ми-жұлын сұйықтығындағы вирустық нейроинфекцияларды молекулалық әдістермен зерттеудің маңыздылығын атап өтеді [10]. Олардың еңбектерінде нейроинфекциялардың қоздырғыштарын полимеразды тізбекті реакция (ПТР) көмегімен анықтау әдісі ұсынылған[11].W.A. Verstrepen (2001) зерттеулері энтеровирустық менингиттерді жылдам диагностикалау үшін ПТР әдісінің тиімділігін дәлелдеді[12]. Bettina Pfausler (2023) еңбегінде нейроинфекцияларды анықтауда метагеномдық секвенирлеу әдісінің клиникалық маңыздылығы көрсетілген [13]. Бұл әдіс белгілі бір қоздырғыштарды ғана емес, барлық ықтимал патогендерді анықтауға мүмкіндік береді. María Gema Codina (2011) жұмыстары микробиологиялық зерттеу нәтижелерін стандарттау мәселесін көтеріп, зертханалық диагностика әдістерінің үйлесімділігін арттыру қажеттігін көрсетеді[14].

Қарастырылған зерттеулер нейроинфекцияларды диагностикалау әдістерінің әртүрлілігін көрсетеді, алайда бірнеше маңызды мәселелер бар:

1. **Диагностика әдістерінің сезімталдығы мен ерекшелігі** – Дәстүрлі әдістер кейбір қоздырғыштарды анықтауда төмен тиімділік көрсетеді [11]. **Verstrepen (2001)** және **Cinque (2003)** зерттеулерінде ПТР әдісінің сезімталдығы жоғары екені көрсетілгенімен, ол барлық ықтимал қоздырғыштарды анықтауға мүмкіндік бермейді[12].

2. **Диагностикалық нәтижелердің стандартталмауы – Codina (2011)** зерттеуі микробиологиялық әдістердің әртүрлілігі олардың нәтижелерінің сәйкессіздігіне әкелетінін көрсетеді [14]. Халықаралық стандарттар мен бірыңғай әдістер енгізу қажеттілігі туындайды.

3. **Жаңа технологиялардың қолжетімділігі – Pfausler (2023)** зерттеуі секвенирлеу әдістерінің тиімді екенін дәлелдегенімен, олар әлі де клиникалық тәжірибеде кеңінен қолданылмайды[13]. Бұл технологиялардың жоғары құны мен күрделілігі диагностикада кеңінен енгізуге кедергі келтіреді.

Болашақта нейроинфекцияларды анықтау үшін әртүрлі әдістерді біріктіріп, интеграцияланған диагностикалық жүйе жасау қажет [8]. Pfausler (2023) және Cinque (2003) еңбектері молекулалық-генетикалық әдістерді практикаға енгізудің артықшылықтарын көрсетеді [10]. Сонымен қатар, Codina (2011) диагностикалық процедураларды стандарттаудың маңыздылығын атап өтеді [14]. Бұл зерттеу нейроинфекцияларды диагностикалаудағы инновациялық әдістердің маңыздылығын көрсетеді және клиникалық тәжірибеде олардың қолжетімділігін арттыру қажеттілігін негіздейді [7].

Талқылау және сын: Зерттеу нәтижелері нейроинфекцияларды диагностикалаудағы инновациялық әдістердің дәстүрлі тәсілдерден артықшылығын көрсетеді. Полимеразды тізбекті реакция (ПТР), масс-спектрометрия және метагеномдық секвенирлеу сияқты әдістердің сезімталдығы мен ерекшелігі жоғары, бұл диагноз қою жылдамдығы мен дәлдігін арттырады. Дегенмен, бұл әдістердің клиникалық практикаға кеңінен енгізілуі бірқатар қиындықтарға тап болуда.

ПТР және секвенирлеу әдістері қоздырғышты анықтауда жоғары сезімталдыққа ие, бұл әсіресе атипиялық немесе сирек кездесетін инфекцияларда маңызды[10]. Дәстүрлі бактериологиялық себінділер мен микроскопиялық әдістер кейде жеткілікті сезімтал болмай,

жалған теріс нәтижелер беруі мүмкін [12]. Инновациялық әдістердің көпшілігі қымбат тұрады және арнайы жабдық пен жоғары білікті мамандарды қажет етеді [14]. Әртүрлі зертханаларда қолданылатын молекулалық-генетикалық талдау әдістерінің бірыңғай хаттамалары жоқ, бұл нәтижелердің қайталануын қиындатады [5]. Стандартты микробиологиялық әдістер мен жаңа технологиялардың үйлесімділігін қамтамасыз ету қажет [8].

Қорытынды: Инновациялық әдістердің клиникалық практикаға енуі нейроинфекцияларды диагностикалауды сапалы жаңа деңгейге көтергенімен, олардың кең таралуына кедергі келтіретін факторлар бар. Бұл мәселелерді шешу үшін жаңа технологияларды стандарттау, зертханалық қызметтердің қолжетімділігін арттыру және диагностикалық әдістерді біріктіру қажет. Болашақта интеграцияланған диагностикалық жүйелерді дамыту нейроинфекцияларды ерте және дәл анықтауға мүмкіндік береді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Скрипченко Н.В., Лобзин Ю.В., Иванова Г.П., Команцев В.Н. (2014). Нейроинфекции у детей. Детские инфекции.
2. Скрипченко Н.В., Иванова М.В., Вильниц А.А., Скрипченко Е.Ю. (2016). Нейроинфекции у детей: тенденции и перспективы. Российский вестник перинатологии и педиатрии.
3. Скрипченко Н.В., Вильниц А.А., Скрипченко Е.Ю., Иванова М.В. (2017). Нейроинфекции у детей в современных условиях. Практическая медицина.
4. Завалишина И.А., Спирина Н.Н., Бойко А.Н., Никитина С.С. (2017). Хронические нейроинфекции. Библиотека врача-специалиста.
5. Kaitlin M.B., Vishnu V.M. (2020). Neuroinfections: Presentation, Diagnosis, and Treatment of Meningitis and Encephalitis. NEUROLOGY.
6. Кривенцов М.А., Ткач В.В. (2006). Регуляторная функция спинномозговой жидкости: иммунологический аспект. Научные обзоры.
7. Сепиашвили Р.И. (2013). Иммунная система мозга и спинномозговой жидкости. Медицина-Здоровье.
8. Конторщикова К.Н., Бояринова Л.В., Андосова Л.Д. (2017). Общеклиническое исследование спинномозговой жидкости. Нижегородская государственная медицинская академия.
9. Меркулова Н.Г. (2011). Современные методы микробиологического анализа. Молочная промышленность.
10. Paola Cinque, Simona Bossolasco, Åke Lundkvist. (2003). Molecular analysis of cerebrospinal fluid in viral diseases of the central nervous system. Journal of Clinical Virology.
11. W.A. Verstrepen, S. Kuhn, M.M. Kockx, M.E. Van De Vyvere, A.H. Mertens. (2001). Rapid detection of enterovirus RNA in cerebrospinal fluid specimens with a novel single-tube real-time reverse transcription-PCR assay. Journal of Clinical Microbiology.
12. Ananda S. Bandyopadhyay, Julie Garon, Katherine Seib, Walter A. Orenstein. (2015). Polio vaccination: past, present and future. Future Microbiology.
13. S.J. Rubin. (1983). Detection of viruses in spinal fluid. The American Journal of Medicine.
14. María Gema Codina, Marina de Cueto, Diego Vicente, Juan Emilio Echevarría, Guillem Prats. (2011). Microbiological diagnosis of central nervous system infections. Enfermedades Infecciosas y Microbiología Clínica.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 18 (327)
Май 2025 г.

Часть 2

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+